

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

КАТРИНА

ЧИСЛО НАЧАЛА

Алексей Кондратенко
Катрина: Число начала

«Издательские решения»

Кондратенко А.

Катрина: Число начала / А. Кондратенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853262-7

Редакционный фотограф Марк Меерсон — последнее звено в цепочке людей, связанных с пропавшим научным открытием убитого физика — «Числом начала». Он должен помочь загадочной наемнице триумvirата Катрине Вэлкат найти открытие раньше оперативников ордена Иллюминатов, чтобы выжить. Но может ли он доверить свою жизнь и судьбу человеческой цивилизации Катрине — чья темная тайна многие века скрывалась под личиной мифов? И что ждет того, кто найдет Число начала, безграничная власть или бесконечный ужас?

ISBN 978-5-44-853262-7

© Кондратенко А.
© Издательские решения

Содержание

Фактологическая справка	6
Глава 1. Конкуренты	7
Глава 2. Новый темный мир	13
Глава 3. Проекция на внешнюю плоскость	22
Глава 4. Вопросы	33
Глава 5. Катрина Вэллкат	42
Глава 6. Холодная ночь и ледяная кровь	54
Глава 7. Так далеко от жизни	62
Глава 8. Мизкреация2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Катрина: Число начала

Алексей Кондратенко

© Алексей Кондратенко, 2023

ISBN 978-5-4485-3262-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

КАТРИНА

Ч И С Л О Н А Ч А Л А

Книги цикла «Катрина»:

Дилогия 1910 года:

«Катрина: Меч зари»

«Катрина: Земля падших»

Калининградская дилогия:

«Катрина: Число начала»

«Катрина: Реквием ангела, исповедь демона»

Официальное сообщество: vk.com/katrina_universe

Фактологическая справка

Общество Баварских Иллюминатов – реально существовавшая организация оккультно-философского толка, основанная Адамом Вейсгауптом в XVIII веке. Официально цели этой организации стояли в просвещении и распространении нравственности. На деле же Вейсгаупт хотел вернуть человечество к первобытному строю, уничтожив институты семьи, церкви и государственности, для чего Иллюминаты активно вмешивались в политику. Всего планировалось 7 этапов преобразования мира. Организация была упразднена, но предпринимала попытки возродиться. В данном романе используется собирательный образ Иллюминатов. Некоторые элементы позаимствованы из масонского устава XVIII века, что отсылает к реальному факту, когда Иллюминаты внедрялись в другие тайные общества и заимствовали обычаи оттуда для усложнения своей структуры.

Анишира – собирательный образ, воплощающий идеи компаративной мифологии в анализе политеистических культов, в т.ч. теорию Жоржа Дюмезиля о принадлежности всех языческих мифологем Европы, Ближнего Востока и Азии к общему для индоевропейских культур религиозному мифу из верований древних протоиндоевропейцев. Через образ Аниширы в этой книге идеи компаративистики подводят к демонологии, где разные мифические божеества тоже рассматриваются как проявления одних и тех же демонов под разными именами в языческих культурах.

Описанная в романе научная концепция «Числа начала» вдохновлена реальными теориями физики: Единой теорией поля, М-теорией, суперсимметрией, гипотезой многомерного Балка, релятивистской физикой, влиянием сверхмасс на пространство и свет, в т.ч. эффекты гравитационного линзирования. Одна из задач романа – объяснить научным языком то, что в мистике остаётся необъясненным.

В данном романе под вампирами понимается раса гематофагов лордоков, ведущая свой род от Императора Мертвых Лордока. Подробно об их происхождении рассказано в романах-приквелах «Катрина: Меч зари» и «Катрина: Земля падших». Близкий взгляд на сообщество и культуру лордоков дается в романе «Катрина: Реквием ангела исповедь демона», который является непосредственным продолжением «Числа начала».

Название «Катрина» продолжает традицию называть произведения именами вампиров, начатую ещё 1872 году Джозефом Шериданом Ле Фаню и впоследствии продолженную Брэмом Стокером.

В дань уважения к наиболее значимым произведениям о вампирах из разных эпох и сфер искусства в романе оставлено немало намеренных отсылок и оммажей. Также литературная вселенная лордоков, продолжает культурно-символический код, в котором реализован ряд других произведений о вампирах. Это сделано с целью сохранения канона вампиризма в нынешнюю эпоху эклектики, когда образ вампира стал размываться.

Художественной стилистикой книги выбрана готика эпохи романтизма, поэтому в сюжетной линии Марка Меерсона для автора важнее психологическое влияние событий, субъективное восприятие и эмпиричность. Особое внимание я решил уделить экзистенциальному опыту героя в стрессовых ситуациях, которыми для Марка стали криминальные и мистические события, описанные в книге.

от автора

Глава 1. Конкуренты

Что же нам делать с цивилизацией, которая всегда рассматривала этику как важную часть человеческой жизни, но не способной рассуждать почти о поголовном убийстве всех и каждого, – разве что в отвлеченных и теоретико-игровых терминах?
Дж. Р. Оппенгеймер

После заката красного осеннего солнца ветер усилился. Багровые отсветы последних солнечных лучей покинули высокие шпили старинных калининградских зданий. Длинные тени от прохожих, стелившиеся по тротуарам еще несколько минут назад, растворились с наступлением сумерек. Небо становилось все глубже, бледная арка дня блекла вдали над горизонтом, уступая свои просторы ночной тьме.

По вечерним улицам Калининграда быстро мчалась черная машина. Сверкающая, лаковая с тонированными стеклами и сербскими номерами. Преломленный город стремился в черном отражении ее полированного корпуса. Форд-Мустанг Шелби GT 500E 1967 года. Элеанор.

В холодной дымке тихо разносилось эхо колокольного звона с вечерней службы.

Приютившиеся недалеко от центра города пятиэтажки, днем казавшиеся невзрачными и увядающими, сейчас, с наступлением темноты, обрели свое мрачное величие. В этом районе особенно сильно раскаркались вороны. Эти птицы всегда знают, где просыпались осколки смерти. Они кружили над одним из домов, что был у дороги, укутанный ветвистыми дубами, во дворе которого стояла всего одна машина. BMW цвета антрацитовый металлик.

К тротуару возле среднего подъезда подъехал Форд-Мустанг. Американская машина-легенда с сербскими номерами, появившаяся в старом районе европейского города смотрелась здесь странно и слишком броско. Возможно, ее приманило то же, что привлекло кружащих в синюющем небе ворон. Смерть.

Неистовый рык четырехсот семидесяти пяти сильного двигателя замолчал, как и басистая шумная музыка в салоне. Яркие фары погасли, но дверца со стороны водителя не открывалась еще некоторое время.

Но вот отзвуки колокольного звона стихли, и дверца автомобиля тут же распахнулась.

На подмоченный дневным дождем асфальт опустился туго завязанный кожаный ботинок военного фасона. Из машины вышла девушка в длинном кожаном плаще с роскошными черными волосами, закрывающими часть красивого бледного лица. Она закрыла дверцу своего автомобиля и уверенным шагом направилась к подъезду.

Когда брюнетка вошла в дом, она вдруг остановилась, словно напорвшись на невидимую преграду. В подъезде не звучало никаких звуков, но она к чему-то прислушивалась, будто ведомый только ей одной тихий шепот говорил на ухо, что тишина обманлива.

Насторожившаяся девушка медленно двинулась вверх по лестнице. Она пыталась понять, в чем дело, и уже начинала догадываться о том, что она увидит, зайдя в квартиру, в которую направляется. Поднявшись на четвертый этаж, она свернула направо, заметив нужный ей номер на двери.

Приотворенная дверь обнажала часть квартиры. Коридор затопляла темнота. Гостья вошла внутрь и плотно закрыла за собой дверь. В маленькой прихожей стало совсем темно. Девушка просто стояла на одном месте, разглядывая помещение. Она уже поняла, что увидит. До нее здесь побывали чужие.

Проведя тонкими пальчиками по столику для писем, она двинулась в зал. По пути бросила взгляд в дверной проем в кухню: там все перерыто, старый холодильник стоял косо, был

выдвинут из угла. Дверцы шкафов открыты, на полу беспорядочно валялись кухонные приборы, посуда и припасы. Кто-то очень торопился и после обыска не прибрал за собой.

Что же заставило их уйти, пыталась понять девушка.

Она шагнула в зал, где был такой же беспорядок, и увидела скрючившегося на полу пожилого человека. Он был бездвижен. Она ничуть не удивилась увиденному, просто медленно обошла его, так, чтобы могла получше его разглядеть. Он лежал в луже крови, казавшейся сейчас совсем черной. Руками он зажимал живот, ноги его были подобраны. Лицо выражало скорбь. Брови умоляюще подняты, глаза зажмурены от страха, а побелевшие губы исказила боль. Одиноким старик и не ждал помощи со стороны. В муках он ожидал лишь, когда придет смерть и избавит его от боли.

Гостья плавно опустилась на колено рядом с умирающим стариком и протянула руку к его шее, чтобы убедиться, что он еще жив. Не успели ее пальцы коснуться его пульса, как вдруг он распахнул свои блеклые, измученные глаза. Она медленно убрала руку с его шеи и склонилась над ним, потому что услышала, как старик что-то прошептал, глядя на нее глазами полными ужаса, словно она – сам дьявол.

– Что? – тихо спросила девушка.

Тот продолжал смотреть на нее с тем же диким ужасом.

– Что ты сказал? – переспросила она с той же невозмутимостью.

Он замотал головой.

– Нет! Нет! Я знаю, кто ты, – хрипло прошептал старик, уклоняясь подальше от нее.

Девушка холодно посмотрела в его глаза.

– И что с того?

– Зачем ты пришла? Уходи. Уходи! – застонал он, потом поднял глаза к потолку. – Господи, пусть она уйдет. Прошу!

– Успокойся, Вайнер, – пренебрежительно произнесла девушка. – Я не за тобой. Мне ты не нужен. От тебя мне нужно только одно, и ты знаешь что это. Скажи это мне, и все будет кончено. Я помогу тебе избавиться от этих мук, – она повела рукой в сторону его окровавленных рук, которыми он зажимал рану. – И расскажи о тех, кто это сделал. Они приходили за тем же, за чем пришла и я. Не так ли?

– Да, да. Но я ничего им не сказал. Никто не должен знать, – прохрипел старик, с трудом разжав пересохшие губы.

– Это похвально, – поощрительно произнесла брюнетка. – Доверься мне, скажи то, что мне так нужно.

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет, я не скажу. Не скажу, – устало проговорил хозяин квартиры. – Ни им, ни тебе.

– Не скажешь ты, найду я сама.

– Нет, нет того, что ты ищешь.

– Что за ложь, старик! Я знаю, когда мне врут, – гневно прошипела гостья.

– Я говорю правду... – он сипло закашлялся, и с его сухих синих губ повисла струйка крови. – Боже, – взмолился старик, – пусть она уйдет! Дай мне умереть. Прогони нечистую. Умоляю!

– Перестань! – прикрикнула она. – Они его нашли? Отвечай!

– Уходи, не мучай меня, – все с тем же ужасом в глазах простонал старик. – Мне больнее из-за того, что ты рядом.

– Как давно они ушли? – требовательно спросила девушка, нависнув над ним.

– Прошу...

– Отвечай на вопрос!

Старик снова закашлялся. Потом посмотрел на девушку обреченными уставшими глазами, в которых больше не было ни капли страха.

– Нету власти у тебя надо мной, ибо моя душа принадлежит Богу, – сказал старик и, выдохнув, замолчал навеки. Grimасу боли закрыла маска, которую на его лицо навсегда набросила смерть.

– Ты мне не нужен, – тихо обронила девушка и поднялась с колен.

Входная дверь слегка скрипнула.

Внимание, с каким девушка рассматривала умершего, тут же сменилось незамедлительной инстинктивной реакцией. Глаза ее вспыхнули яростью. Она посмотрела в сторону, откуда раздался звук, и с пугающим неистовством бросилась в прихожую. С силой распахнув входную дверь, выскочила в подъезд, глянула вниз между лестничными пролетами: с военной прытью кто-то спускался на первый этаж.

Она ворвалась обратно в квартиру, ловко пробежала среди всего беспорядка, царящего в кухне, и остановилась возле окна. На улице из подъезда выскочили двое поджарых мужчин и понеслись к BMW цвета антрацитовый металлик, стоявшему в стороне от подъезда.

Девушка быстро распахнула окно, запрыгнула на подоконник и без колебаний выпрыгнула в темноту. Полы кожаного плаща с хлопками взмыли в воздух. Она беззвучно приземлилась на ноги, слегка присев и сняв с ремня на бедрах пистолет-пулемет, бросилась к отъезжающему BMW. Выскочив на дорогу, она направила оружие в сторону автомобиля, который понесся на нее, набирая скорость, и выстрелила в лобовое стекло несколько раз. Но силуэты в салоне вовремя пригнулись. В следующее мгновение BMW с визгом тормозов резко развернулось в управляемом заносе, и боком машина сбила брюнетку. От удара девушка перекатилась через крышу, обкрутившись вокруг себя, и взмыла в воздух. Полы плаща обвили ее, а затем распахнулись, словно крылья, потом она стремительно свалилась на тротуар и прокатилась по земле несколько метров. Автомобиль круто вывернул на выезде из двора и унесся прочь.

Навалилась тишина. В ночной пустоте носился теперь лишь ветер.

Девушка чуть шевельнулась, затем медленно приподнялась на руки, отслеживая глазами, как BMW цвета антрацитовый металлик исчезает вдаль. Она еще немного отлежалась после падения на холодном тротуаре под ветвями дуба, уходящего в пустое чернильное небо, потом подтащила к себе свое оружие и лежа закрепила его у себя на ремне. С легкостью и кошачьей грацией поднялась на ноги, игнорируя последствия от столкновения с автомобилем, словно травмы не отдавались пламенем боли.

Не торопясь, не обращая внимания на взгляды перепуганных шумом жителей дома смотрящих во двор из своих окон, она вернулась к подъезду. Девушка, лишь недовольно нахмутив брови, обвела глазами все окна, из которых выглядывали жильцы, отчего те тут же попрятались за шторами и занавесками.

Она шагнула в квартиру Вайнера и закрыла входную дверь на замок, чтобы оградить себя от лишних хлопот. Прокрутилась вокруг себя вправо, влево, оглядывая беспорядок в квартире цепким взором, воссоздавая в уме, как все могло выглядеть до погрома.

Девушка начала искать в тех местах, куда по виду не добрались люди, за которыми она гналась. Ей многое стало понятно в тот момент, когда несколько минут назад эти двое мужчин, убивших Вайнера, по неосторожности скрипнули входной дверью.

Они бросили здесь все в таком виде потому, что приехала она. Услышали звук мощного мотора с улицы, фары, возможно, засветили окна. Опасения убийц подтвердились, во дворе остановилась машина, которая никогда не могла бы оказаться здесь просто так. Убийцы поспешили покинуть квартиру, но куда бежать? Внизу – она, поднимается в квартиру Вайнера. Оставалось только переждать на лестничной клетке этажом выше. А то, что они попытались подслушать ее разговор с Вайнером, свидетельствовало о том, что они вряд ли нашли здесь то, что искали.

Несколько вопросов оставались без ответов.

Кто они? Кто их послал? И зачем они убили Вайнера?

Последнее обстоятельство было наиболее бессмысленным.

Девушка зашла в дальнюю спальню. Как и в остальной квартире, здесь был ужасный беспорядок, учиненный убийцами Вайнера. Возле окна стоял письменный стол, заваленный старыми книгами и бумагами, на кровати тоже были разложены книги, среди которых поблескивала обложка какого-то журнала. В этом интерьере он казался лишним.

Она взяла журнал в руки. Название гласило:

ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ

журнал об интересных личностях и событиях

Она быстро пролистала журнал и вдруг из него выпал листок с записью, сделанной рукой Вайнера. Это было имя журналиста, работающего на «Интересную Жизнь», и номера его домашнего и рабочего телефонов. Сочтя это небесполезной информацией (журналист может что-то знать), девушка положила листок во внутренний карман своего плаща.

В течение следующего получаса она тщательно пролистывала все книги, разбросанные по комнате, ища спрятанные между страницами записки, на которых могло бы быть искомое. Она разбирала кипы научных работ Вайнера. Из его записей мало что можно было понять, но среди них не было ничего, что могло бы привлечь ее интерес. Тем не менее, она не могла не отметить, сколь тщательно и любовно он решал свои формулы и высчитывал неизвестные ей величины.

Через несколько минут поисков она закончила с бумагами. Девушка оглядела комнату. Картин у старика не было. Она вышла из спальни и зашла в ванную комнату. Отдернула занавеску для душа, и забралась в ванную, открыла душевой смеситель и проверила, не спрятались ли там чего. Пусто.

Как и в туалете за бачком и внутри бачка, как и в другой спальне, как и на антресолях, в подушках, среди белья и на задних стенках мебели.

Того, за чем она пришла, здесь не было, а единственный, кто знал ответы, теперь мертв.

Брюнетка прошла в гостиную и ровно села в кресло, откинувшись на спинку и разложив руки на подлокотниках. Ее несколько не смущало тело мертвого Вайнера, лежащее на полу в луже крови. Она даже ни разу не глянула в сторону убитого старика, с отвращением или, хотя бы, с чувством легкой неприязни, ведь от тела исходил густой тошнотворный запах крови. Гостья вдумчиво разглядывала стеллаж и сервант на противоположной стене, в которых ранее производила обыск. Она осознала, что на стенах совсем нет фотографий. Ни одной. Так не бывает. Значит, все фотографии лежат в фотоальбомах.

Девушка поднялась и подошла к стеллажу и довольно быстро нашла там старый потертый фотоальбом. Сев за маленький столик, включила настольную лампу и открыла альбом. Первые страницы занимали старые, пожелтевшие черно-белые фотографии родителей Вайнера. Через некоторое время начались его детские фотографии. Сейчас, на этих фотографиях, Вайнер вырос, его жизнь раскинулась перед глазами гостыи. Но, несмотря на то, как печально закончилась эта жизнь, все эти фото не произвели на нее ни малейшего впечатления. Ее внимательный и безразличный взгляд скользил по годам, запечатленным на бумаге. Школьные фото, выпускные, свадебные. На всех них рядом с Вайнером был один человек, очень похожий на него. Брюнетка отлинула несколько страниц назад. Перед ее глазами оказалась фото, на котором были изображены молодой Вайнер, похожий на него паренек постарше и лысеющий мужчина с ружьем. А под фотографией женской рукой была сделана подпись:

Саша и Гера с отцом на охоте. Июнь 1946 г.

«Вероятно, Гера, Георгий – старший брат Вайнера», – подумала девушка.

Дальше были несколько фотографий со свадьбы Геры, дня рождения его сына, потом фотографии с большого семейного пикника, где сын Георгия был уже постарше. Несмотря на то, что Вайнер женился раньше своего брата, детей у него, судя по фотографиям, не было.

Быстро пролистав альбом до конца, девушка оказалась немного удивлена, к концу фотографий становилось все меньше и меньше, а Георгий и его семья пропали со снимков с середины альбома. Скорее всего, с ними случилось какое-то несчастье. Последней фотографией был траурный портрет пятидесятилетней жены Вайнера. Дальше оставалось несколько пустых страниц, и альбом закончился.

Девушка гневно прошипела, раздосадованная тем фактом, что Вайнер был совсем одиноким стариком, и своими тайнами поделиться ему было просто не с кем. Она выключила лампу и устало повернулась к телу убитого.

– Неужели у тебя совсем никого не осталось, Вайнер? Как же так?

Но в ответ покойный лишь хранил молчание.

Гостя вернула фотоальбом на свое место. В прихожей возле телефона нашла записную книжку и пролистала ее. В ней было не много телефонных номеров, но они могли пригодиться. Она взяла записную себе. Вдруг девушка вскинула глаза на входную дверь, словно разглядела что-то за ней.

Раздался звонок в дверь.

Она подбежала к открытому окну в кухне и выглянула из темноты квартиры на улицу. Возле подъезда, в нескольких метрах за ее Фордом-Мустангом, стояла патрульная машина.

Снова раздался звонок в дверь.

– Откройте! Полиция! – резко прозвучал требовательный голос за входной дверью. – Нас вызвали жильцы дома из-за перестрелки во дворе. Откройте, гражданин Вайнер, мы должны убедиться, что на вашей жилплощади нет посторонних.

Ненадолго голос умолк, но потом зазвучал снова:

– Если вы не откроете дверь в течение десяти секунд, я буду вынужден самостоятельно обеспечить доступ в вашу квартиру! Я начинаю отсчет! Раз... – по прошествии десяти секунд и через несколько глухих ударов всем телом в дверь, ему удалось разорвать цепочку, на которую была закрыта дверь.

В квартиру с топотом ввалился лейтенант и два сержанта. Не решившись включить свет, лейтенант осветил себе путь служебным фонариком и, пройдя два шага по прихожей, остановился, наткнувшись на густой запах крови. Он тут же развернулся и направил луч света на сержантов:

– Осмотрите квартиру! – скомандовал он, захлопывая входную дверь.

Из гостиной его окликнул сержант.

Когда лейтенант вошел в гостиную, сержант направил луч своего фонаря на тело Вайнера.

– Товарищ лейтенант, у нас тут совершенно убийство. Наверное, это и есть хозяин квартиры.

Второй сержант остановился у входа в комнату и сообщил, что в квартире никого нет. Лейтенант хмуро уставился на блестящее посреди темноты багровое пятно, в котором лежал труп.

– А входная дверь-то как оказалась закрытой? – проговорил он.

Первый сержант с недоумением перевел на него взгляд.

С улицы громыхнул звук мощного мотора и шумная рок-музыка.

– Что за... – лейтенант бросился в кухню, загребая ботинками валяющиеся на полу предметы.

Миновав криво стоящий кухонный стол, лейтенант выглянул в открытое окно. Яркая освещающая дорогу, быстрее ветра из двора уносилась Элеанор. Машина круто вывернула на широкую улицу и через мгновение растворилась в далекой гостеприимной ночной тьме.

Лейтенант опустил глаза на младшего сержанта, стоящего возле патрульной машины.

– Твою мать!

– Машина будто сама ожила! – попытался оправдаться младший сержант.

– Ты номер-то записал?

– Не успел, но номера иностранные.

Побагровевший лейтенант молча засунулся в квартиру. Напоровшись на стол, он вышел из кухни и прошел в гостиную. Насветил фонариком на мертвого Вайнера, хмыкнул и глянул мрачным взглядом на худошавого сержанта, также смотрящего на труп и потирающего лоб под сдвинутой фуражкой.

– Все, сержант, – произнес лейтенант, – вызывай следователей. Скажи, мы в полном дерьме.

Глава 2. Новый темный мир

*Среди заброшенных могил
Зачем все время бродит он?
Встревожить то, что гроб сокрыл?
Нарушить спящих вечный сон?*

Дж. Ленгхорн

Рай сменился адом. По ушам ударил громкий шум.

Это был шум умирающего мира. Мира видимостей, фантомов, грез, которыми себя окружает каждый из нас. Когда мы пробуждаемся от иллюзий, мы всегда слышим этот шум. В какой-то момент его слышали все. Наверное, многим кажется, что умирают они. Я не исключение. Отчасти это правда. Вместе с осколками в пустоту уходит часть тебя. Я был глуп, но лучше бы не умнел.

Наконец я осознал, что в жизни с тобой может произойти что угодно. Осознал, что счастье лишь прелюдия к страданиям. Оно притупляет бдительность, причиняя еще большую боль потом. Теперь я верю, что смертно все. Даже счастье.

Особенно счастье.

Я продолжал вспоминать, как в ветреной тишине по крышке гроба били холодные капли дождя. Омраченные горем лица смазались под бурым утренним небом. Я и не смотрел на них. Только на ее фотографию на могильной плите и землю, залитую месивом грязи. Она теперь всегда будет в земле. Сейчас в моей душе ничего не было, но она была не пуста. Что-то оставалось внутри и рвало меня на части.

Картины сегодняшнего утра целый день всплывали перед глазами. Темноту иногда нарушали вспышки молний, освещая через узкий проход на крышу тесную комнатку чердака, вместе с квартирой доставшегося Марине по наследству. Я использовал это помещение как провочную для фотографий. Тогда я жил мечтами, надеялся открыть собственную фото-студию, устраивать выставки, а когда-нибудь завести свою галерею, разбогатеть и обеспечить Марине красивую жизнь. Теперь эта комнатка на чердаке и все мои мечты навсегда останутся пустыми.

Сидя на старом сундуке вечером после похорон, я с тоской смотрел на фотографию, лежавшую на полу. Темноволосая девушка с лучистыми голубыми глазами, освещавшими мне мир. Лицо, которое со временем сотрется с камня, выцветет на бумаге и исчезнет из памяти.

Моя Марина... Она была для меня всем.

Я нуждался в большой порции коньяка или общения, поэтому из Маринойной квартиры отправился в бар, где надеялся ненадолго потерять эту боль и залить пустоту алкоголем. Забыться хотя бы на один вечер. Я решил, что буду пить рюмку за рюмкой до боли в печени в компании Тима, который должен был скоро подъехать.

Тим работал вместе со мной в журнале «Интересная жизнь» вторым штатным фотографом. Мы были знакомы задолго до того, как стали работать вместе и на протяжении всех лет поддерживали друг друга. Поэтому мне было необходимо именно его общество. В последний раз мы виделись до его отъезда в отпуск. Тогда Марина еще была жива. Тогда у меня еще было будущее. Все изменилось в один день. В одно мгновение из-за какого-то невнимательного водителя.

Опрокинув очередную рюмку в баре, скривившись не то от душевной боли, не то от ощущения будто глотнул огня, я пытался отогнать скверное ощущение, что завтра легче не будет оттого, что я надираюсь в стельку. Тяжелые мысли сверлили, не переставая. Я оказался в замкнутом круге своего сознания, в центре которого перед глазами чернел гроб моей девушки.

И еще это назойливое чувство... будто за мной кто-то наблюдал... Там, на кладбище.

Воспоминания вновь нахлынули. Всюду стоял запах мокрой земли. Бесцветные капли на фоне громад бурых туч сливались с чернотой зонтов. Люди почтительно замерли вокруг разрытой могилы, но я их не замечал. Откуда-то из глубины траурных фигур моей спины касался безразличный взгляд, неустанно ловивший каждый осколок боли в моей душе. Безмолвный свидетель страдания.

Я опрокинул пятую рюмку, желая забыть хотя бы на минуту о том, что я больше не увижу ослепительной улыбки, которая согревала мою душу, не услышу ее голоса, что наполнял одинокую тихую пустоту вокруг меня, и не прикоснусь к ее нежной коже. Больше никогда. Ее нет. Нет рядом сейчас, и уже не будет теперь.

– Господи! Друг, ты пьешь и не закусываешь уже пятую рюмку, – воскликнул бармен, с жалостью глядя на меня. – Поверь, я много народу повидал и с уверенностью могу сказать, что ты не из тех, кто сможет нормально добраться до дома, если будешь продолжать в том же духе.

– Меня друг до дома доведет. Налей еще, – постучал я по рюмке.

– У тебя что-то случилось? – он отставил стакан, который протирал салфеткой, и взгляделся в мое лицо. Ну и что увидел? Здесь темно, будто в чулане. – Без обид, парень, но выглядишь ты отвратительно.

– Знаю, – сухо ответил я и снова постучал по рюмке пальцем: – Налей, а?

– Ну, как хочешь... – сказал бармен, наконец, выполняя мою просьбу.

Грянул гром. В бар вошла молодая брюнетка в кожаном плаще, поблескивающем с дождя. По прядям ее черных волос скатывались маленькие капельки дождевой воды. Вместе с ней в помещение ворвался и шипящий звук непогоды, который стих, как только за девушкой захлопнулась дверь. Она оглядела всех с порога, медленно двинулась вглубь помещения и села почти спиной ко мне за ближайший к выходу столик.

– Но на дне рюмки ты утешения не найдешь, – дружелюбно улыбнулся бармен. Забудется на какое-то время, это да, а проблемы останутся.

– Оставь меня, – я осушил шестую рюмку и, взглянув на бармена, лениво махнул через плечо. – Лучше прими заказ клиентки. Трещишь тут... Ты не знаешь, почему я сюда приперся, – продолжал бормотать я себе под нос.

Бармен покинул меня и отправился к девушке. Тима все не было. Его телефон не отвечал. А белое стекло пустой рюмки тускло поблескивало в полумраке бара. Я убрал сотовый в карман и посмотрел через плечо на столик, где только что устроилась девушка.

Бармен принял у нее заказ, кивнул мне и вернулся за стойку. Потянулся за запыленной темного цвета бутылкой, стоявшей на верхней полке бара, достал штопор, ввинтил в пробку бутылки штопор и налил в чистый бокал для вина темно-красную прозрачную жидкость.

– Я это не заказывал, – хрипло пробормотал я.

– Так это и не для тебя. Сам же сказал, чтобы я принял заказ у посетительницы.

– И что же она заказала?

– Тебе это так интересно?

– А чем еще мне интересоваться?

Бармен терпеливо улыбнулся, удивленный моим внезапным порывом к общению.

– Самое дорогое красное сухое вино, которое только у нас есть. И добавила «Если сможешь найти» – процитировал он с нарочито капризной интонацией девушку, сидящую за столиком позади меня.

Я посмеялся.

– Так и сказала?

– Так и сказала, – заверил он. – Но не суди строго, все они богатые тусовщицы такие. А вообще-то, у нее очень приятный акцент.

– Акцент? – переспросил я.

Бармен выразительно кивнул, подхватил на ходу бокал с вином и с улыбкой двинулся к брюнетке в черном кожаном плаще.

Я посмотрел в зеркало барной стенки на богатую гостью. В осанке посетительницы сквозила гордость и изящество. Холод, который она впустила вместе с собой, так и не рассеялся. Когда она вошла в бар, разговоры поутихли. Это было неподходящее ей место. Но дороговизна ее одежд бросилась в глаза. Нечто иное. Что было стремительнее возможности поймать это. От чего мои мысли на мгновение вынырнули из могильного мрака, которым сейчас была окружена моя Марина. С появлением посетительницы в баре что-то изменилось.

Бармен ловко поставил бокал ее столик. Я наблюдал за ними через зеркало, когда в окнах вспыхнула молния, и на мгновение показалось, свет прошел сквозь брюнетку. Мистика! Отражение девушки пропало из виду, словно кроме бармена у столика никого больше не было. Я тут же оглянулся и взгляделся в ее ровную спину.

– Спасибо, – поблагодарил бармена ее приятный спокойный голос, оттененный мелодичными нотами того самого акцента.

– Пожалуйста, – бармен двинулся в мою сторону, улыбаясь теперь мне.

Отвернувшись к барной стойке, я бросил взгляд в зеркало и убедился, что в отражении мне больше ничего не мерещится.

– У тебя такой вид, будто ты привидение увидел, – вероятно, бармен ждал от меня продолжения разговора. – Может, хватит? – он постучал пальцем по рюмке.

– Сейчас я не в настроении говорить о привидениях. Лучше налей мне чего-нибудь другого.

– Кофе, например? Ты же коньяк даже пить не умеешь. Морщишься, после каждой рюмки головой мотаешь... Слушай, – он открыл дверцу холодильника, достал оттуда желтый сверток и положил его в микроволновку, – тебе нужно закусить. Давай так, я тебе гамбургер за счет заведения, а ты расскажешь, что тебя заставило торчать здесь и надираться в стельку.

– Нечего рассказывать. Я уже говорил, что жду друга. А он задерживается, – я достал телефон, часы показывали две минуты десятого. Потом глянул на микроволновку и сглотнул слюну. – А от гамбургера за счет заведения не откажусь. Но потом ты снова нальешь мне выпить.

Я чувствовал, что мне нельзя трезветь. Не затем я сюда пришел. Мне нужно отключиться. Необходимо. Потому что воспоминания преследовали как адские псы...

Глухие удары волнами прокатывались по полированной крышке гроба. Зеркальные струйки дождя извивались на сгибах черного дубового ящика, скрывавшего от меня любимое лицо Марины, которое я теперь никогда больше не увижу. Работники в поношенных одеждах опускали гроб в могилу, сырые стены которой оползали и блестели в косом свете серебристой полоски утреннего неба над горизонтом. Чей-то пристальный взгляд заставил меня оглянуться. Но я увидел лишь тень, скользкую среди траурных фигур.

Окна бара засветили фары машины. Микроволновка звякнула, оповещая о том, что гамбургер готов, а я посмотрел себе через плечо, думая, что это заходит приехавший Тим. Бармен хозяйственно взял тарелку с гамбургером полотенцем и поставил передо мной.

– И чашку кофе, пожалуйста. «Самого дорогого», – добавил я со злой иронией обращенной ко всему миру, что больше не существовал для меня. – «Если есть».

Бармен засмеялся и начал готовить кофе.

Я откусил гамбургер и почувствовал, насколько сильно проголодался. Через минуту бармен поставил рядом со мной чашку приятно пахнущего дымящегося кофе и покинул барную стойку. Его подозвали парни, обсуждавшие футбольный матч, чтобы заказать еще несколько литров пива и пачку чипсов.

Проглотил последний кусок и протолкнул его глотком кофе. Есть больше не хотелось и оставалось теперь лишь вернуться к коньяку. Я жестом подозвал к себе бармена. Он подошел почти сразу.

– Повторить?

– Да. Коньяк. Тебе ведь хочется заработать денег, верно?

Бармен замялся:

– Я всегда не против заработать, просто тебя уже несет. Сколько бы ты ни выпил, лучше не будет. Это заблуждение, что выпивка заглушает негативные эмоции. Она их прячет, но они остаются.

Пока он говорил, я и не заметил, как в бар снова проник шум дождя и раздались шаги.

– Все верно! – услышал я за спиной знакомый баритон.

Позади стоял Тим в промокшем пиджаке и смотрел на меня с нескрываемым сожалением.

– Тим!

– Сколько уже выпил? – он сел рядом и мельком посмотрел мне в лицо, пытаясь найти там ответ на свой вопрос.

– Не считал.

– Шесть рюмок, – услужливо сообщил бармен.

– Да, – протянул я, задержав на том гневный взгляд, – пять или шесть.

– Может даже семь, – снова вклинился бармен.

– О-о-о! – воскликнул Тим. – Все, Марк! Пойдем.

– Я не помню седьмой, – поспешил заявить я.

– Ну, все! Допились, – усмехнулся Тим. – Марк, заканчивай с этим. Я знаю, что Марина была для тебя всем, – он снова посмотрел на меня с горечью. Видя, что я хочу что-то сказать, он поспешил продолжить. – И знаю, что она останется для тебя всем, – видя, что я вновь хочу перебить его, он добавил: – Я не призываю тебя перестать оплакивать ее. Это твое право. Она была чудесным человеком. Оплакивай, но не так! – он указал на рюмку. – Она бы не хотела такого горя.

– Еще бы она не хотела такого горя! – резко огрызнулся я. – Ведь горе-то по причине ее смерти! Сегодня ее закопали!

Поняв, что наш с Тимом разговор носит слишком личный характер, бармен деликатно удалился, сделав вид, что у него есть работа в другом конце стойки.

А меня спьяну понесло выговориться:

– И не говори о том, чего бы она хотела, Тим! Потому что единственно важное, чего бы она хотела, это жить, дышать, быть сейчас рядом, а не лежать в тесной дубовой коробке в холодной мокрой земле.

– Марк, пойдем, хватит ныть. Посмотри на себя, – одной рукой он взял меня за плечо, а другой указал на отражение в зеркале бара. Там отражался тот, с кем я избегал встретиться взглядом всякий раз, как смотрел в отражение бара. Молодой человек с лицом, когда-то давно казавшимся мне приятным и заметно потускневшим в последние дни. С зелеными глазами и каштановыми волосами, которые сейчас лезли в глаза, спадая на лицо. В расстегнутой болотного цвета куртке с небрежно развалившимся на плечах капюшоном, купленной в супермаркете. Под ней виднелась белая футболка, я носил ее, не снимая, не помню сколько, возможно, когда-то футболка была белее. Отвратительный, изможденный взгляд моего усталого двойника в зеркале вызывал раздражение. Тошно смотреть.

Тим похлопал меня по плечу:

– Не этого парня полюбила Марина. Поднимайся, и перестань болтать всякую чушь. Поднимайся! Сколько ты уже здесь сидишь?

Я спрыгнул с табурета и одернул футболку и куртку, расправил плечи.

– Ровно столько, сколько ты добирался сюда.

Тим начал оправдываться, что чудом нашел это бар, но я его не слушал. Я посмотрел на красотку брюнетку, которая сидела за соседним столиком, глядя в темноту за окном, и, наверное, решала в уме какие-нибудь интриги на работе, неспешно потягивая свое дорогое красное вино.

– Пойдем, тебе нужно выбраться в мир, – Тим махнул рукой, чтобы я следовал за ним к выходу.

– Там нет мира, Тим. Того мира, что ты думаешь, я больше не увижу, – себе под нос продолжал ворчать я. – Там лишь новый темный мир. Луна упала на Землю, и осталась лишь пустота. Там лишь пустота.

Я поплелся за Тимом к выходу. Он уже вышел и придержал для меня дверь, впуская стылый синий свет уличного фонаря и шум дождя.

Напоследок я обернулся на ходу, чтобы разглядеть получше лицо этой одинокой брюнетки. Она чуть опустила голову, заглядывая в полупустой бокал, немного приподняв плечи и опираясь руками на столешницу. Плавно она вертела бокал то в правой, то в левой руке, медленно перебирая пальцами по гладкой поверхности стекла. Ее лицо в прорези черных волос казалось совсем белым из-за синего света уличного фонаря.

И тут она перевела на меня взгляд. Не шевелясь, она просто подняла глаза. Холодные и бездонные. Смотревшие совсем не дружелюбно, сапфировые, они согревали своим холодом. Выражение лица не изменилось. Казалось, она ждет, когда я перестану пялиться, и переведет с меня взгляд не раньше, чем это сделаю я. Сделать это было так же сложно, как смотреть на нее. Коньяк давал о себе знать. Я просто проваливался в ее взгляд, все больше чувствуя себя неловко.

Мне отчетливо показалось, она хотела, чтобы я ушел. Словно в тумане я развернулся и вышел под дождь, где уже с минуту стоял вымокший и недовольный Тим. Мы зашагали к его подержанному Опелю Корса. Тим поспешил сесть в машину. Я сел на переднее сиденье и повернулся к нему.

– Слушай, будь человеком, отвези меня в мою старую квартиру, – я умоляюще посмотрел на него. – Знаю, это далеко, но я не могу возвращаться в квартиру Марины.

– Ладно, Марк. Буду человеком и отвезу в твою квартиру, – он повернул ключ зажигания, и салон наполнился негромким звуком мотора, вперемешку с капельной дробью дождя. – А что это была за девушка, на которую ты так засмотрелся?

Мы выехали на дорогу. Я устроился поудобнее, немного сполз с сиденья, переплел руки на груди и повернул голову в забрызганное дождем окно, за которым плыли неясные огоньки одиноких уличных фонарей, и светофоров.

– Я не знаю кто она.

– Просто пьяный интерес?

– Просто интерес.

Тим быстро глянул на меня.

– Она тебе понравилась?

– Она не отражалась в зеркале одно мгновение, – задумчиво протянул я.

– Значит, пьяный интерес.

– Возможно.

– А ключи от своей квартиры у тебя с собой?

– Да, я собрал кое-какие вещи в квартире Марины и захватил свои ключи.

– Какие вещи? Где они сейчас? – спохватился Тим.

– На мне.

– А больше ничего? Сумка, например?

– Нет. Мне хотелось убраться оттуда поскорее, поэтому много вещей я не брал. И уходить было сложно, – задумавшись об этом, я перевел взгляд в пространство за окном. – Казалось, вот уйду, и все... Если выйду за входную дверь с вещами, она не вернется. Никогда. Но она все равно не вернется.

– Мда, Марк... тяжело тебе.

Тим глянул на меня с сожалением. Какое-то время мы ехали молча. Глухой размеренный стук дворников звучал усыпляюще. В этой тишине меня вновь одолели болезненные воспоминания...

С трудом можно назвать те горькие часы последнего расставания утренними часами. Я смотрел только на ударяющиеся о крышку гроба комья сырой земли, осознавая себя здесь совсем одним. На дне могилы гроб смотрелся пугающе брошенным. Вскоре земля полностью скрыла рваное отражающееся в его лаковой крышке небо, заточенное в темную раму оползающих стен могилы. Все так нереально. Эфемерно. А потом толпа начала рассеиваться, обтекая меня, словно оставляя наедине с ней. И на секунду я увидел фигуру женщины, смотревшей на меня из толпы...

– Сегодня на похоронах мне показалось, что на меня кто-то смотрит, – вслух вспомнил я. – Это было чувство, от которого не отделаться. Чей-то взгляд видел мою боль, мое одиночество... мою душу, Тим, Это чувство преследовало меня весь день. Со мной что-то не так?

Тим обеспокоенно посмотрел на меня.

– Нет, дружище. Ты в порядке.

Молчание, следовавшее дальше, стало невыносимо натянутым и я решил сменить тему ради Тима.

– Как отпуск? – спросил я.

– Нормально. Варшава понравилась, особенно Юле. Кучу фоток наснимали, потом скину. Получились не фотографии, а произведения искусства. Думаю показать их в арт-отделе, возможно, пригодятся для верстки, может, что-то о Польше будем писать, – по лицу Тима пробежала тень. – Сегодня заезжал в редакцию журнала. Это правда, что с Павлом Вольским случилось какое-то несчастье?

– Да, жуть. Он повесился.

– Странно.

– Еще как.

– Я о том, что столько всего плохого случилось за последнее время.

– Я тоже. В общем, журнал собирается дать некролог или памятную статью о Вольском.

На днях все писали пару слов в память.

– А кто напишет статью?

– Не знаю. Но я не раз делал фото для статей Вольского, мы часто пересекались, общались, поэтому хочу поучаствовать. Сделать для него что-нибудь в последний раз.

– Ты серьезно?

– А что?

– Ну из-за Марины.

– Это здесь не при чем. Мне нужно отвлечься и заняться каким-то делом. Побывать среди людей. Либо так, либо выпивка. Дома отсидеться я не против, только не хочу зачахнуть в пустой квартире. Я переговорю завтра с Лидией или главным редактором, узнаю, чем могу помочь.

– Ну, как скажешь, – неуверенно протянул Тим и усмехнулся, – Лидия становится человеком только тогда, когда в жизни ее подчиненных случается истинное горе.

– Знаешь Тим, никогда бы не подумал, что Павел способен на самоубийство. Он вроде повесился в ванной на леске для занавески в душе. Ничего не предвещало. Я не понимаю. Зачем?

– Не знаю, он был одиноким человеком, – озвучил мои мысли Тим. – В сорок пять лет ни жены, даже бывшей, ни детей. О чем-то это говорит, Марк.

– Он был трудоголиком, как и мы.

Тим передернул плечами и с суеверным возмущением возразил:

– В каком смысле, как и мы? Я на тот свет не тороплюсь, каким бы трудоголиком ни был. И тебе не советую.

– Как получится, – безразлично отозвался я.

Тим остановил машину на светофоре и взгляделся в меня.

– Марк, только глупостей не натвори! – предупреждающе сказал он.

– Я не собираюсь кончать жизнь самоубийством.

– Ну и хорошо. Я рад, что ты еще не все мозги залил коньяком.

Машина тронулась и свернула налево.

– Вольский над какой-то статьей работал, – продолжил я. – И не закончил.

– Ты не думаешь, что это странно? Обычно самоубийцы заканчивают важные для них дела, прежде чем лезть в петлю. А что за статья?

– Не знаю. Там фотограф не требовался. Кажется, какая-то статья на научную тему.

Тим хмыкнул.

– Научную? Что же это за научная статья, которую одобрил бы главный редактор?

– Я не знаю. Павел вроде бы обо всём договорился.

– Н-да, странности, – задумчиво протянул Тим.

В промозглой темноте впереди показалась моя двухподъездная семиэтажка с аркой для въезда во дворы соседних домов, что возвышалась неподалеку от перекрестка. На соседней улице находился госпиталь, поэтому перед домом временами проезжали машины скорой помощи. Возле каждого подъезда стояло по засыхающему дереву, которые с каждым летом цвели все меньше. Следом виднелась длинная хрущевка, а дальше улица таяла в темноте.

В этом доме мне предстояло провести одну из худших ночей в моей жизни. Сегодняшнюю.

Тим свернул к тротуару.

– Ну, все, конечная, – сказал он.

– Да, спасибо, что подвез.

– Ключи точно есть?

– Точно. Счастливо доехать! До завтра! – я вышел из машины под громкий шелест дождя, накидывая капюшон. В лицо ударил сырой воздух, пахнувший сбитой с веток листвой.

– Утром прими аспирин, – посоветовал вслед Тим. – Пока!

Я захлопнул за собой дверцу и зашагал к ближайшему к перекрестку подъезду. Опель позади тронулся и умчался по мокрой дороге. Забежав в подъезд, я подошел к решетчатой двери лифта, нажал на кнопку. Лифт не сдвинулся с места. Пришлось идти по лестнице.

Не знаю, сколько уже не видел эту дверь. Первую справа от лестницы на шестом этаже. Отпер замок, толкнул дверь вперед, и она, сварливо поскрипывая, медленно отворилась, открывая вид на длинный узкий коридор. По левой стене от потолка тянулись полосы света, падающего с улицы. Две комнаты и кухня располагались справа от коридора, а ванная в его конце. Днем в это время года солнце заливают все комнаты прозрачным остывающим светом.

Чувство отчуждения, которое я ощутил, странным образом переплелось с трепетным ощущением возвращения к чему-то родному. Словно и не было тех лет, что я провел с Мариной.

Не снимая ботинок, прошел в кухню. В темноте напоролся на стул, стоявший на пути, возле стола. Я и забыл, какие здесь маленькие комнатки. Щелкнул по выключателю. Старая люминесцентная лампа загудела и замигала и из-под большого слоя пыли дала совсем мало света. Кухню залил тусклый голубоватый свет, освещая паркетный пол, дешевую кухонную

стенку, советский холодильник, газовую плиту, работающую от газовых баллонов, и хлипкий кухонный стол. Я включил холодильник в розетку и открутил перекрытые краны воды в трубах.

Когда-то эту квартирку мне подарили родители на восемнадцатый день рождения, и я радовался как ребенок. Мне было все равно, какая она, главное, что отдельная квартира. Целиком и полностью моя. Потом мне захотелось чего-то большего, и она стала надоедать. Но сейчас, несмотря ни на что, она мне снова нравится, нужно только избавиться от старья и сделать небольшой ремонт.

Посреди зала спинкой к выходу стоял диван, еще кое-какая мебель по-над стенами, телевизор и старенький DVD-плеер в углу.

В спальне я стащил с себя куртку и повалился на мягкую немного припыленную кровать. Перевернулся на спину и разложил руки в стороны. На лице появилась слабая, довольная вялым гостеприимством собственной квартиры улыбка. И тут же ее стерло нечто темное, сидевшее глубоко в душе. Очередное воспоминание...

Траурная процессия рассеялась, навсегда оставив ее одну. Утешая друг друга, облаченные в черные одежды родственники и знакомые удалялись к стоявшим в стороне машинам. Марина осталась лишь бесплотным воспоминанием и единственным доказательством ее существования служила надгробная плита с изображением ее лица.

Эта была черта, разделившая мою жизнь на «до» и «после».

Долгий тяжелый день в конечном итоге помог мне отрешиться от собственной жизни. Сон медленно наваливался на меня.

– Марк... – из темной тишины полусшепотом позвал женский голос. – Марк...

Я открыл глаза и уставился в потолок, пытаюсь понять, показалось мне или нет. За окном по-прежнему барабанил дождь. Только дождь и никакого шепота. Сильный порыв ветра. Сквозняк. В квартире кроме меня никого нет!

Выбросив послышавшееся в полудреме из головы, я снова закрыл глаза, позволяя бесплотным волнам уносить сознание от берегов бодрствования.

– Марк... – вновь маняще прошептала незнакомка. – Впусти меня...

Цепенея, я распахнул глаза, от испуга не находя сил посмотреть по сторонам.

– Господи! – с паром в простывший воздух поднялся мой выдох.

Легкое движение у окна привлекло мой взгляд. Не успев разобрать, что вижу, я почувствовал, как внутри меня всё сжалось. Черная фигура в длинном одеянии возвышалась возле кровати. Все, что я мог разглядеть, это женский силуэт на фоне окна, ночной свет за которым начал гаснуть.

Как зверь, она медленно наклонялась, нависая надо мной. От этого зрелища стыла кровь. На мгновение мне показалось, что я не в состоянии пошевелиться. Но я преодолел оцепенение и рывком соскочил с кровати.

– Что за черт! – в страхе крикнул я.

Она занесла ногу вперед и шагнула на кровать. Ничего не говорила и грациозно, медленно переставляя ноги, шла ко мне. Казалось, будто она улыбается, глядя на меня сверху вниз. Смеется надо мной, играя в свою игру. Она спустилась на пол рядом со мной, и я отпрянул назад, ударившись спиной о стену.

– Кто ты такая?

Она подошла совсем близко. Я хотел было увернуться вправо, влево, но она уперлась ладонями в стену, не давая мне такой возможности. Незванная гостья наклонилась ко мне, вперед. Ее губы почти касались моей щеки.

– А кем ты хочешь, чтобы я была? – все тем же зловещим и пленительным шепотом спросила она.

Мне казалось, я ее знаю. От нее шел приятный одурманивающий запах, как дым заполняющий в легкие, но в нем таился пугающий могильный холод, оттенок размоченной дождем земли.

Я не стал отвечать на ее вопрос и только твердил свое:

– Что ты делаешь в моей квартире? Откуда знаешь, как меня зовут?

Она подалась назад и заглянула в мои глаза.

– Я узнал тебя! – прошептал я.

Она улыбнулась чуть шире и чуть насмешливее. Ее ладонь коснулась моей шеи.

– Я ждала тебя. Я думала, ты пойдешь за мной.

Она была так же красива, как я ее запомнил. Она подтянула меня к себе, и мы повернулись на месте так, что теперь она была спиной к стене, а я стоял совсем близко. Она убрала руки с моих плеч и прижала их к стене, подавшись ко мне. Руки ее напряглись и сильнее прижались к стене.

Она выгнула спину, поставила согнутую в колене ногу на стену и в следующий момент превратилась в шакала. Порывисто выгибаясь, она поползла по стене, по паучьи перебирая лапами и буравя меня горящими желтыми глазами.

Это ужасное существо зарычало:

– Пойдем со мной в новую жизнь, в новый, прекрасный темный мир, – ее плечи и голова уткнулись в потолок, и она с легкостью переползла на него. – Толькопусти меня. Открой дверь квартиры.

Я закричал, попятился, кровать сбила меня с ног. Крик заполнял мою глотку. Зверь на потолке засмеялся. И вдруг остатки ночного света за окном погасли. Меня захлестнула непроглядная темнота. Под тяжестью многих тысяч тон тьмы мои ребра не выдержали и с болью треснули, вонзившись в меня и обрушив тьму на мое истекающее кровью тело.

Открыл глаза.

В комнату светил дневной свет. По небу за окном проплывали рваные облака и тучи. Я лежал так же, как и заснул. На спине, широко разложив руки по кровати. Тело затекло.

Поднялся и сел, потер заросшее щетиной лицо руками.

Это всего лишь сон.

Глава 3. Проекция на внешнюю плоскость

*Тоска о минувшем, как черная мгла, На радости и на печали легла;
И в смене то горьких, то сладостных дней
Все та же она – ни светлей, ни темней*

Т. Мур

Автобус пришел через несколько минут. Доехав до центра города, я перешел через загруженную автомобилями улицу, на другой стороне которой возвышалось высокое четырехэтажное здание постройки начала прошлого века.

Подвал занимала типография, в которой печатались многие местные издания, в том числе и наш журнал, а на втором этаже располагались все отделы нашей редакции.

Я поднялся по просторной бетонной лестнице в здание. Шаги эхом отдались в высоких стенах пустого холла. Над столом охранника тихо похрустывали страницы раскрытой газеты. Я поздоровался, проходя мимо. Тот бросил на меня приветливый взгляд поверх газеты, на первой полосе которой жирным шрифтом виднелся заголовок: *«Печальная статистика: количество без вести пропавших горожан увеличивается каждый декабрь»*.

– Марк!

– Да, – отозвался я, замедлив шаг.

– Как тебе эти следователи? Припарили, да?

– Какие следователи? – остановился я.

Охранник небрежно махнул рукой:

– Из полиции. Вчера терлись тут полдня, всех расспрашивали о Вольском. С тобой еще не говорили?

– Нет. Меня не было вчера.

– Значит, еще раз приедут. С Лунгиным из розницы тоже пока не беседовали.

– Хорошо, буду иметь в виду. Ладно, Кирилл, побегу я.

Новость о следователях смутила и обескуражила.

Я поднялся на второй этаж мимо указателя с перечнем офисов и зашел в двухстворчатую дверь с табличкой:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ»

Следующая двухстворчатая дверь слева вела в самое сердце редакции, где за столами, заставленными мониторами, принтерами, телефонами, папками и кипами бумаг работали корреспонденты. В конце комнаты за деревянной перегородкой с окошками располагался кабинет редактора.

Я без стука ворвался в кабинет.

Неохотно Мария Андреевна оторвала взгляд от листа бумаги и мельком посмотрела на меня сквозь челку темно-красных волос, поверх прямоугольных очков в черной оправе. Медленно отложила листок бумаги, откинулась на спинку стула и, сняв очки, вопросительно подняла брови.

– Ничего, что я без стука? – вспомнил я.

– Ну, уж в следующий раз постарайся постучать, Меерсон. В чем дело?

– У меня сейчас нет никаких заданий, я могу помочь, если нужно что-то сделать в связи со смертью Вольского. Это единственная возможность для меня занять себя чем-то.

– Хорошо, что ты об этом напомнил, верстальщикам нужно фото к некрологу. Найди и отправь в верстку. Понял, да?

– Хорошо, сделаю. Мария Андреевна, а кто пишет некролог?

– Я сама, а что?

– Нет, ничего.

– Что-нибудь еще?

– Да, Павел писал статью, я хотел предложить, может быть нам следует издать ее, несмотря на случившееся? Ведь это последняя статья Вольского.

– Марк, для начала, все-таки закрой дверь, – она вяло указала рукой, в которой держала очки, в сторону входа. – И где статья? Он мне ничего не присылал.

Я закрыл дверь, прошел и сел перед ее столом на удобный стул.

– Не знаю. Кажется, она не закончена. Нужно поискать.

– Кто, по-твоему, этим займется?

– Я могу.

– И с чего ты собираешься начать? Мы вчера с системным администратором проверяли рабочий компьютер Вольского, никаких новых материалов там нет. Всё только по уже сданным темам. Если статья и существует, то, скорее всего она у него дома.

– А квартира Павла, наверное, опечатана?

– Поезжай, на месте разберешься. Найди статью. Если она закончена, я пропущу ее в номер. У его соседей есть ключи. Кристина Боголюбова сейчас отправляется туда.

– Кристина? Зачем?

– Похоже, у полиции есть основания предполагать убийство. Если бы им нужно было просто исключить преступление в случае самоубийства, проверкой занимался бы участковый. Но так как вчера пришли следователи, значит, они открыли дело. Тут что-то не чисто. Если сотрудника нашего журнала убили, мы первые должны знать правду. Это первый случай в нашей редакции. Кристина вызвалась собрать информацию. Пусть проникнется жизнью Вольского, поговорит с соседями, поищет друзей, родственников. Может быть врагов. В общем, Боголюбова должна постараться. Короче, ты отправишься с ней. Если хочешь, чтобы мы напечатали эту статью, достань ее сегодня, потому что завтра мы сдаем все материалы в печать. Выпускать статью умершего Вольского в другом номере уже будет не этично.

– А Боголюбова не слишком молода для такого задания? Поручите это тому же Воронину, он хорошо знал Вольского.

– Марк, Боголюбова сама вызвалась. И я уже согласилась. А ты занимайся своим делом. Только не углубляйся во все эти драматические темы. У тебя самого случилось несчастье с невестой, так что... – опустив окончание фразы и замолчав, она поднесла к губам дужку очков.

– Я теперь не вижу других тем.

Во взгляде Марии Андреевны скользнула жалость.

– Значит нужно начинать их искать. От жизни нельзя убежать. Она этого не прощает.

Я не собирался говорить с ней об этом. Потер лицо рукой. Мутная пелена окутывала и спутывала мысли после вчерашнего посещения бара.

– Не верю, что смогу их где-нибудь найти, – сказал упрямо я, выразительно ставя точку и завершая разговор.

Она не стала со мной спорить и сделала вид, словно я ничего не говорил.

– И еще Марк, следователи брали адреса и телефоны наших сотрудников. Особенно заостряя внимание на людях, общавшихся с Вольским. Застали всех врасплох, со всеми говорили наедине. Честное слово, эти двое задавали странные вопросы. Они очень долго продержали Романа Воронина. Спрашивали и про тебя. В общем, своим появлением переположили редакцию. Они очень ввелись в несколько кандидатур, включая тебя. Интересовались, почему ты отсутствуешь. Так что не удивляйся, когда они с тобой свяжутся.

– Буду иметь в виду.

– Я говорила это нашим людям вчера, и скажу тебе. Работа следователей формулировать вопросы так, чтобы тот, кого они расспрашивают, чувствовал себя не в своей тарелке. Не поддавайся на провокации в разговоре с ним. Понял да?

– Кажется вы хорошо в этом разбираетесь...

– Мой первый муж был майором полиции. Я четыре года прожила в условиях подозреваемой, и кое-что в этом понимаю, – скучающим голосом проговорила Мария Андреевна, словно то были самые неважные четыре года ее жизни. – Всё, бегом догоняй Боголюбову. И передай, чтобы она занесла, наконец, свою статью о клофелинщиках. Стой! У тебя нездоровый вид и глаза красные. Ты как? В порядке?

– Да все хорошо.

– Ну да, конечно. У меня тут есть аспирин. Выпей, пока голова не разболелась, – она достала из верхнего ящика стола пачку таблеток и протянула мне. – Бери всю упаковку, потом вернешь.

Она бросила мне пачку. Я поймал.

– От передозы аспирина еще никто не умер, – пошутила она и глянула на часы.

– Ухожу, – заверил ее я, подходя к деревянной двери со стеклом и жалюзи.

– Дверью не хлопать, – крикнула она мне вслед.

– Спасибо за аспирин.

Я поспешил к выходу, рассчитывая догнать Боголюбову. Спустился в холл и от лестницы спросил Кириллу, не выходила ли Кристина Боголюбова. Тот оторвался от газеты, прищурился, вспоминая, и сказал, что не видел, чтобы она выходила. Я поднялся обратно в редакцию, прошел по коридору мимо двери в дизайнерский отдел и завернул в буфет, где Боголюбова любила обдумывать свои статьи за чашкой крепкого черного кофе и разговорчиками с буфетчицей Аней. И тут же услышал обрывок их разговора.

– ...я бы, например, не решилась на самоубийство, – тревожным голосом сказала блондинка в бежевом блейзере, стоявшая ко мне спиной. – Но вот, что толкнуло его на такой отчаянный шаг, мне предстоит выяснить.

– Да, Кристина, – заморожено произнесла Аня, – ну и напросилась же ты на работку

– А что такого? Мне самой интересно, что произошло с Вольским – возразила Кристина.

– Ну не знаю, – вздохнула буфетчица. – Некоторые вещи знать не безопасно. Ты же не журналист федеральной газеты.

– Простите, что прерываю вашу беседу, девушки, – вклинился я, – но наш редактор считает, что ты, Кристина, уже в пути. Она будет очень расстроена, если обнаружит, что ты еще здесь.

– Ой, – сказала Кристина, – ладно, все, Аня! Я побежала. Спасибо, что предупредил, Марк, – повернулась она ко мне.

Аня помахала ей вслед, и мы с Кристиной вышли в коридор.

– Мы поедем вместе в квартиру Вольского. Мне нужно взять кое-что.

Кристина посмотрела на меня недоверчиво.

– Что кое-что?

– Статью, которую Вольский не закончил.

Я открыл дверь на лестницу и пропустил Кристину вперед.

– Разве вешаются люди, не закончив начатое дело? Тем более, я слышала, что Вольский жизни без журналистики не видел.

Я пожал плечами, спускаясь за ней по ступенькам.

– Может быть, и закончил. Просто не успел сдать.

Она остановилась. Я резко затормозил, чтобы не налететь на нее.

– Слушай, – воодушевленно начала Кристина, – ты ведь работал с Вольским! А я его совсем не знала. Расскажи о нем. Мария Андреевна ждет от меня результатов. А чтобы были результаты я должна разобраться в материале не хуже следователей.

– А зачем вообще занялась этим делом?

– Хочу быть полезной, – она застегнула блейзер и двинулась к выходу. – Пойдем, Марк. Надеюсь, ты не станешь отрицать, что наш журнал по содержанию иногда уступает крупным центральным изданиям. Нам нужны резонансные темы. Я не собираюсь менять профиль нашего журнала, но предоставленную мне возможность использую максимально. И потом, это просто доброе дело.

Мы вышли на улицу. По лицу стегнул ветер. Над домами синели набегающие тучи, и лишь над горизонтом пролегла яркая прорезь ясного осеннего неба.

– Я уверена, люди, которые его знали, напишут качественно, но осторожно. А я готова копать, – мы остановились под навесом автобусной остановки. – Независимо от того, убили его или он повесился, меня беспокоит причина. Именно в ней вся трагедия. Именно мотив открывает нам глаза на жизнь. И каждый из наших читателей задумается всерьез о том, что произошло с незнакомым человеком... Что?

И хотя мне не было дела до чужих трагедий, теряющихся в тени моей собственной утраты, я смотрел на Кристину, улавливая в ее словах отзвук тепла и подлинной человечности, долетевший до меня сквозь целую вселенную.

– Может быть, ты справишься не хуже остальных, – сказал я. – Кажется, теперь я понимаю, почему ты взялась за это нелегкое дело. Наверное, главное как раз заключается в том, чтобы рассказать людям о причине. Ты совершенно права.

Она радостно засияла.

– А что ты написал о Вольском? Все ведь писали пару слов о нем для некролога.

Я засунул руки в карманы куртки и задумался, глядя на здание на противоположной стороне улицы. Мне не хотелось лгать ей.

– Что и все, несколько добрых ничего не значащих слов, – сказал я. – Раньше я всерьез не задумывался о таких вещах. О том, что человек чувствует, зная, что сейчас умрет, и при этом делает это. Убивает себя. Наверное, он ощущает полную пустоту. Просто вакуум в душе. И, наверное... он должен чуточку ненавидеть себя, чтобы убить.

Мои слова, должно быть, прозвучали для Кристины угнетающе, потому что она некоторое время молча смотрела куда-то в сторону.

– Ты говоришь так, словно не веришь, что его убили, – ответила она.

– Выяснить, что там произошло, это ведь твоя работа. А я просто близок к тому, чтобы почувствовать в душе вакуум.

Автобус был почти полон. Мы пробрались на пустое сиденье. Всю дорогу Кристина расспрашивала меня о Павле. Ее интересовали любые подробности. Мне особо нечего было ответить. Пришлось сказать, что когда приедем в его квартиру, она сама на все посмотрит и составит свое мнение.

Автобус остановился на нужной остановке на окраине города. Пройдя от остановки через рынок и миновав проспект, по которому тянулась длинная пробка, мы попали во дворы.

Я никогда не был у Вольского. Его дом мы искали долго. Вокруг стояли одни пятиэтажки. Из подъездов доносился запах сырых подвалов, фасады многих домов выглядели обшарпано и уныло. Под тротуарами стремились ручейки дождевой воды. Кристина шла, брезгливо поглядывая под ноги, аккуратно переступая лужи и с интересом разглядывая окружающие дома.

– Не могу жить в таких местах, – сказала она.

– Я сейчас в подобном доме живу, – вслух вспомнил я.

– Seriously? И как?

– Нужен капитальный ремонт. Но я не жалею, – мы остановились перед проезжающей Волгой. Кристина отступила на шаг назад, чтобы на ее сапожки и блейзер не попали брызги из лужи из-под колес. – Мне все равно, где жить.

– Почему?

Мы свернули в соседний двор.

– Это сейчас не самое важное.

– А что важно?

– Просто каким-то образом двигаться дальше.

– О, мы пришли, – сказала Кристина, глядя на табличку с номером на торце дома. – Квартира Павла в следующем подъезде, – добавила она понизив голос, потому что из опущенного окошка стоящего рядом BMW цвета антрацитовый металлик с растрескавшимся лобовым стеклом на нас смотрел водитель.

Мы зашли в подъезд и поднялись по узенькой окрашенной по боку лестнице на четвертый этаж. Кристина подошла к двери квартиры номер 34. Нажала пальчиком на кнопку звонка.

– Соседи в курсе, что мы должны прийти? – кивнул я на дверь.

– Да, Мария Андреевна звонила сегодня утром.

Через полминуты к двери подошли, и зазвякали замки. Дверь открылась на четверть, в проеме стоял немолодой мужчина в теплой серой рубашке:

– Да?

– Здравствуйте! Журнал «Интересная Жизнь», мы пришли взять у вас ключи от квартиры 33, – сказала Кристина. – Мы заберем материалы Павла Вольского для журнала, которые он не успел сдать, и тут же вернем вам ключи.

– Да, конечно, – сказал мужчина и ушел вглубь квартиры. – Вы заходите, – пригласил он нас из дальней комнаты.

– А у нас обувь грязная, – громко сказала Кристина с лестничной площадки в квартиру.

– Ничего, у меня уборка, так что заходите.

Кристина обернулась на меня, потом зашла в квартиру и осмотрелась. Я следом. Безвкусный интерьер. Через открытые двери виднелись плотно заставленные мебелью комнаты.

Хозяин квартиры вернулся, протягивая Кристине связку ключей. Она передала их мне и повернулась к мужчине:

– А вы хорошо знали Павла?

– Ну, в общем, знал, да. По выходным вместе пивка выпивали, там... на дачу ко мне когда-то ездили. Но, вообще, Павел был человеком не компанейским, поэтому случалось такое не часто. А что? – он сложил руки на груди и прислонился плечом к стене.

– Кристина... – я показал в сторону двери в подъезд, – я пойду, осмотрюсь там.

– Да, хорошо. А я пока переговорю с... – она посмотрела на хозяина квартиры.

– Дмитрий, – сказал тот, – Дмитрий Краснов, – он протянул и пожал руку Кристины, потом мою.

– Очень приятно, – проговорил я и вышел.

Позади меня еще слышались голоса, когда я шел к оббитой дерматином двери квартиры номер 33.

– Как вы думаете, какова причина такого отчаянного поступка Павла? – слышался голос Кристины.

Дмитрий Краснов что-то увлеченно начал ей отвечать.

Я нашел в связке ключ для верхнего замка. Замок туго поддался, и дверь тут же приоткрылась. Не увидел на двери ничего, что указывало бы на минувшее присутствие полиции. Дверь не была ни опечатана, ни загорожена лентой, на ней даже не было записки, где указывался бы номер телефона для тех, кто может поделиться полезной информацией. Это было странно. Если в полиции открыли дело об убийстве, на двери должно было быть хоть что-

то, что указывало бы на проведение следственных работ. Я задержался в дверях, разглядывая на дверной раме следы клейкой ленты на случай, если ее кто-то сорвал, но не увидел и их.

Оставив дверь, я зашел в темную прихожую с салатного цвета обоями и старым шкафом для одежды, казавшимся совсем черным в таком мраке. Меня шквалом овеял спертый воздух, похожий на дыхание смерти. Тени лежали как-то иначе, и все более напоминало каменную пещеру, чем жилое помещение. Шторы на всех окнах задернуты. Если Вольский повесился, то сделал это вечером. Если же нет, то закрытые шторы наводили на куда более тревожные версии. Комната напротив входа оказалась гостиной. Здесь стояло мало мебели, но темные со сложным режущим взгляд узором обои создавали ощущение загроможденности. Дверь в стене с сервантом вела в соседнюю комнату. В спальне помимо кровати стоял большой книжный шкаф. Некоторые полки были почти пусты, и повсюду на полу лежали книги. Создавалось ужасное впечатление, будто Вольский хотел как можно больше прочитать перед смертью, поэтому оставлял прочитанные книги где попало и брался за новые. Как и в предыдущей комнате, никаких рабочих бумаг здесь не было.

Выйдя в коридор, я тут же уперся взглядом в чернеющий дверной проем ванной комнаты. Возникло неприятное ощущение холода, пробирающегося по спине при мысли о том, что то же самое видел Павел за несколько минут до своей смерти, как если бы вешаться шел теперь я. Он не стал включать свет, чтобы не видеть собственных конвульсий. Цвета вокруг померкли, звуки заглохли. Легкая дрожь коснулась коленей Павла, перед скорой встречей со смертью. Перед единственным и неотвратимым концом. Окружающая квартира и целый мир за ее пределами растворились для Павла как сон.

Выбросив из головы эту картину, я зашел в третью комнату.

Кабинет Вольского. Определенно. Через щель между шторами в помещение протискивался промозглый дневной свет. На письменном столе стоял компьютер, принтер и лежало несколько распечатанных листов. Маленький столик для писем использовался Павлом, как подставка для старой печатной машинки. На подоконнике столбцами разложены папки. Возле пустой стены стоял двухместный диванчик, заваленный листами с текстами.

Листы на столе оказались частью копии научного доклада некоего профессора Вайнера и явно имели отношение к последней статье Вольского. Недавно Павел упоминал фамилию Вайнера. Я взял из нижнего ящика стола пустую папку, сложил туда копии работы Вайнера, решив, что эти бумаги могут пригодиться, если статья Вольского незакончена и ее придется дописывать другому журналисту. Теперь нужно было найти саму статью.

К счастью домашний компьютер Павла не потребовал пароля. Среди документов на жестком диске никаких недавно измененных или созданных файлов не хранилось, а корзину не очищали уже пару месяцев. Без сомнений. У Вольского оказался на удивление свободный, упорядоченный и незахламленный жесткий диск. Так обычно бывает, если пользуешься еще и ноутбуком. Но поискав ноутбук, я его не нашел.

Кристина зашла в квартиру и теперь крутилась где-то в соседних комнатах, оглядывая квартиру.

Минут пятнадцать просидев на присядках возле дивана и просматривая материалы, заголовки которых мне уже были знакомы по предыдущим выпускам журнала я так и не нашел той самой статьи. Я стал заглядывать под мебель, чуть отодвинул диван от стены. На сером слое пыли, накрывающем паркет, среди заваливавшегося мусора лежала новенькая визитка. Я поднял ее и отряхнул.

ЭРЛИХ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Редактор газеты «ИЗВЕСТИЯ ДНЯ»

Прочитал я, затем задвинул диван на место.

– Не нашел?

Я обернулся. Кристина стояла у двери.

– Нет.

Нагнулся за папкой с докладом Вайнера и сунул туда визитку.

– Ты что-нибудь нашла? – спросил я.

– Я немного осмотрелась, поймала настроение. Складывается противоречивое впечатление. Яснее картина не стала. Кстати! А ты заметил, что дверь Вольского не опечатана? Я боялась, мы не сможем попасть сюда из-за расследования.

– Да, заметил. Странно, правда?

– Да, – задумчиво протянула она.

Мы вышли в коридор.

– Ладно, пойдем, – сказала Кристина чуть разочаровано. – А ты везде искал?

– Похоже, в этой квартире статьи Вольского уже нет. Павел говорил мне, что собирается начать писать для крупных газет. И, кажется, я знаю, о какой из них шла речь.

Мы вышли в подъезд.

– Но это не важно.

– Почему?

Я закрыл дверь на ключ, и повернулся к Кристине.

– Если его статью напечатают в газете, тогда незачем помещать ее в наш журнал. Странно вот что, обычно он распечатывал два экземпляра каждой статьи. Одну в редакцию, другую всегда оставлял у себя.

Кристина позвонила в квартиру соседа.

– Тогда, если Вольский делал по два экземпляра каждой своей статьи, где второй? Один в газете, а другой?

– Не знаю. Не важно.

– Важно. Это не только последняя статья Вольского, ее исчезновение может что-то означать, мы должны...

– Все, что я был должен, я попытался сделать. Я хотел найти его статью. Не получилось. А ты и так работаешь над своим криминальным материалом.

– Да, но пока еще ничего не нарыла, – заметила Кристина.

– Ты только начала.

Дверь открылась, и на пороге своей квартиры показался Дмитрий Краснов. Я протянул ему ключи.

– Скажите, вы видели, чтобы здесь ходили из полиции? – спросил я хозяина квартиры. – К вам, например, заходили?

– Да, как я уже рассказал вашей коллеге, – ответил тот, кивнув на Кристину, – ходили тут какие-то люди. Расспрашивали что да как, узнавали, не слышал ли я чего в то утро.

– Утро? – переспросил я. – Но у него в квартире все шторы задернуты.

– Они сказали, дело было утром. Возможно ранним, не знаю... Но, во всяком случае, я ничего не слышал. Я уже сказал вашей коллеге, что считаю, Павел повесился. Скрытый он был, одинокий, а такие часто так кончают... – многозначительно покачал головой он. – Непонятно, только, зачем утром-то вешаться. Это как же получается, проснулся и в петлю, так что ли? – он хмыкнул. – Но это не убийство, я вам точно говорю. Павел был мужик здоровый, если что, так шум бы поднял немалый! А я ничего подозрительного не слышал.

– Если эти люди еще придут, – Кристина протянула ему свою визитку, – позвоните мне вот по этим телефонам. Мне будет очень любопытно узнать, чем они интересовались.

– Хорошо, – сказал Краснов и получше рассмотрел визитку.

Я шагнул к лестнице.

– Спасибо, что уделили нам время.

Кристина попросилась и последовала за мной. Дверь за нами тут же хлопнула.

– Зачем ты дала ему свою визитку? А если следователям будет очень любопытно узнать, чем интересовалась ты? Одно дело стараться для Марии Андреевны, другое подставляться из-за самоубийцы.

– Как ты можешь так говорить? – возмутилась Кристина. – Вы с Вольским проработали, я не знаю сколько...

– Три года. И что это меняет?

Кристина остановилась на первом этаже.

– Многое! Ты же ничего для него не сделал. Может быть, собирался, но этого недостаточно! – горячилась Кристина. – Марк, от тебя не ожидала, – назидательным тоном сказала она.

– Я девушку свою вчера похоронил. Понимаешь? – не выдержал я, – И мне наплевать, кто вокруг умирает. Это не мои заботы. Главное, нет ее. Мне будет все равно, даже если умру я! Так я ее любил. А ты говоришь мне, что я должен что-то Вольскому. Плевал я на него. Я приехал за его статьей только потому, что не хочу оставаться наедине со своими мыслями. Наедине с тем бессмысленным мусором, во что превратилась моя жизнь буквально за одно нелепое мгновение. Я сделал это для себя.

Договорив, я тут же осекся. Кристина выглядела испуганной и смотрела на меня извиняющимся взглядом. Мы оба почувствовали себя неловко.

– Ой, прости, – сказала она севшим голосом. – Прости, Марк, я не знала. Я не знала. Ну теперь всё понятно.

– Это ты прости. Мне не нужно было этого говорить. Ты ведь действительно не знала, – сказал я, прикрыв глаза рукой. – А я... мне просто, в самом деле, все равно, и...

Я не смог закончить фразу.

Сочувствие, с каким Кристина смотрела сейчас на меня, было невыносимым и одновременно таким нужным.

– Понимаю, – сказала она.

– Повесился Вольский или, как подозревают следователи, его убили, для Павла это уже не имеет никакого значения, – я сделал паузу, видя, как Кристина пытается сдержать свое несогласие. – Но, если ты хочешь сделать что-то хорошее, это твое право, – сказал я и, сделав над собой усилие, подбадривающе похлопал ее по плечу.

Всё равно вышло как-то натянуто.

– Тогда отдай мне эту папку. Возможно, удастся что-нибудь нарыть.

Я протянул ей папку. Она взяла ее, открыла и прочитала то, что было написано на визитке вслух.

– Я собираюсь зайти куда-нибудь перекусить, я сегодня не завтракал. Ты сейчас на работу?

– Ты всегда не завтракаешь?

– Нет, просто ночевал в старой квартире, в которой не жил уже больше трех лет. Там сейчас и крошки хлеба не найти.

– Тогда я составлю тебе компанию.

Мы вышли из подъезда. Напротив по-прежнему стоял антрацитовый BMW. Увидев нас водитель начал звонить по сотовому.

Кристина замедлила шаг и тихо заговорила:

– Мне кажется или он действительно пасет квартиру Вольского?

Возможно, Кристина права. Мы пробыли в доме около получаса, а BMW все еще стояло здесь, и приехало за какое-то время до нас. Если машина кого-то ждала, за это время пассажир уже должен был выйти.

– Нужно выяснить, – заговорщицким тоном проговорила Кристина.

Она решительно направилась через дорогу к машине. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ней.

– Кристина! – тихо позвал ее я, но она не остановилась.

Человек в BMW отвел глаза от приближающейся Кристины, спешно убрал телефон, поднял тонированное стекло и завел машину.

– Простите, – постучалась Кристина в стекло, нависая над его окном, – я работаю в журнале «Интересная жизнь». Мне нужно задать вам несколько вопросов...

Но BMW резко вывернул от тротуара так, что Кристине пришлось отскочить назад.

Я придержал ее за локоть.

– Ты в порядке?

– Да, – сказала она, глядя, как BMW заворачивает за дом. – Ты видел! Понимаешь, почему он уехал? Не нравится мне все это. Разбитое лобовое стекло. Водитель выглядел подозрительно. Я прямо почувствовала от него угрозу.

– И пошла, рассказать ему, где работаешь.

– Ну, я же не думала, что он прямо возьмет и уедет. Тут дело нечисто.

– Не чисто, не лезь, – предостерег я, твердо глядя на Кристину.

– Ты запомнил номер? – настойчиво спросила Кристина, по-прежнему глядя в сторону, куда уехала машина. – Я сегодня не надела линзы.

– Я не смотрел на номер. Пойдем, есть хочется, – я легонько дернул ее за локоть. – Не забывай, ты не Лоис Лейн, рядом с тобой нет Супермена, который бы вытащил тебя из неприятностей.

Кристина окинула меня беглым взглядом и кивнула.

– Это уж точно.

– Наверняка, это был полицейский. Понятно теперь, почему дверь не опечатана. Следователи, видимо, считают, что предполагаемый преступник может вернуться в квартиру Вольского. Поэтому пасут его подъезд. Ты уверена, что не узнала водителя? Может это был один из следователей, которые приходили вчера в редакцию.

– Меня опрашивал один из них, второго я не видела, он в это время оставался в кабинете Марии Андреевны. Водитель точно не тот, кто меня опрашивал.

– Пойдем! – снова позвал я и двинулся в сторону, откуда мы пришли.

Я услышал, как Кристина тяжело вздохнула позади меня и зашагала вслед, шурша сбитыми ночным дождем листьями. В серых обветшалых дворах по-прежнему не было людей. На ветках пустых деревьев громко каркали вороны, и карканье эхом разносилось по округе. Небо становилось все тяжелее, предвещая очередную грозу.

Мы перешли дорогу, нашли среди рыночных ларьков скромную забегаловку и устроились за столиком, накрытым клетчатой скатертью, под большим шатром, натянутым над четырьмя столиками. Заказали по чашке кофе, по хот-догу, стакан воды и картушку фри для меня. Стакан воды принесли сразу. Я выложил на стол пачку аспирина, выдал две таблетки и выпил.

– Ты в порядке? – спросила Кристина.

Я подпер ноющий висок рукой, но мой ответ был не о физической боли:

– Нет.

Молодая толстенькая девушка-официантка с усталым от жизни взглядом поставила нам тарелки с хот-догами и картошку передо мной. Потом принесла кофе.

– Может пивка? – спросила она бесцветным голосом.

– В другой раз, – сказала Кристина, увидев, что я, почти отключившись, не заметил предложения официантки.

Кристина осторожно взяла дымящийся на ветру стаканчик и потянула кофе. Через минуту я тоже подтащил к себе тарелку с завтраком и с удовольствием откусил хот-дог.

Кристина потянулась к папке, достала научный доклад и начала просматривать его, не притронувшись к еде.

– Ход-дог быстро остывает, – предупредил я.

– Есть люди, которые завтракают по утрам, – улыбнулась Кристина. – Я одна из них.

Я засунул в рот последний кусочек хот-дога и принялся за хрустящую картошку.

– Могу поспорить, Вольскому потребовался не один час, чтобы разобраться во всем этом, – сказала Кристина, медленно листая страницы, потом достала из доклада вложенный тетрадный лист со смятыми краями. Ее глаза несколько раз внимательно вчитались в текст, потом она передала лист мне с застывшим лицом. – Понятия не имею, что это значит, но ничего более удивительного я не видела раньше.

Написанные от руки в хаотичном порядке по листу были разбросаны записи: *«Двойственные показатели массы. Проекция на внешнюю плоскость. Двойственная масса, заключенная в веществе, сжатая в преломленном пространстве алгебры V3. Параллельная теория. Преобразование энергии в вещество. Механика начал. Начало – величина?»*

– Это почерк Вольского? – спросила Кристина.

– Нет, наверное, это записи профессора.

– Думаешь, об этом статья Вольского?

– Может быть.

– Сложно представить, чтобы наш журнал опубликовал такой материал.

Кристина взяла у меня лист, еще раз просмотрела его, вложила в доклад и бережно вернула бумаги в папку.

– Так значит, ты собираешься копаться во всей неразберихе под носом у следователей? А в финале будет шокирующее разоблачение, как это бывает в детективных романах?

– Возможно, все окажется намного проще. Для начала выполню поручение Марии Андреевны, поищу родственников, друзей, врагов Вольского. Потом позвоню редактору газеты «Известия дня», узнаю, не продал ли Вольский свою статью им, выйду на профессора, который написал эту тарабарщину, – она постучала ноготком по папке. – Побеседую с ним. Свяжусь со следователями и уточню у них все, что останется неясным по поводу смерти Вольского, и тому подобное. И если ничего не нарою, тогда сяду дома с кружкой горячего чая и успокоюсь, поняв, что сделала всё что могла.

– А ты сама в какую версию веришь? Думаешь, Вольского убили, или он сам справился?

– Если подумать, даже за профессиональную деятельность Вольского незачем убивать.

Наш журнал не профилирован на громкие злободневные статьи. Мы расширяем кругозор читателей, рассказываем об интересных событиях и людях, у наших журналистов меньше врагов, чем у свободных блогеров. Так что разумом понимаю, что Вольский, как ты говоришь, мог сам справиться. Но чутье мне подсказывает, что в этом деле нужно покопаться. За сегодняшний день я не раз в этом убеждалась. А там посмотрим.

– Часто чутье молчит, когда мы нуждаемся в нем больше всего и бьет тревогу на пустом месте, – сказал я и допил остывший кофе.

– Может быть, – задумчиво проговорила Кристина, глядя вдаль, на рынок и людей, заторопившихся после того, как в небе гулко разлился гром. – А может, не нужно заливать чутье выпивкой, тогда и молчать не будет, и аспирин пить не придется.

– Какой выпивкой?

– Да ладно тебе, я еще в редакции уловила твой перегар. Ну, теперь-то я хотя бы понимаю, почему ты пил.

– Пойдем, Шерлок, дождь сейчас начнется, намочит твое пальтишко, – сказал я, вставая из-за столика.

Кристина допила кофе, взяла папку со стола и хитро взглянула на меня.

– Ну, пойдем. Когда я узнаю какую-нибудь страшную тайну про Вольского, я тебе позвоню и все расскажу, чтобы ты знал, что был неправ.

– Да, только этого и не хватало для счастья. Ладно, договорились, – проговорил я в полной уверенности, что этого не случится.

Получше запахнувшись от ветра, мы двинулись к остановке.

Когда мы вернулись в редакцию, каждый отправился заниматься своей работой. Вот только я уже через несколько минут отправил фотографию Вольского для верстки и освободился, а Кристина все печатала и печатала, когда я возвращал Марии Андреевне аспириин. Кристина лишь устало улыбнулась мне и вернулась к работе.

Мария Андреевна не удивилась, что мне не удалось найти статью Вольского.

– Вряд ли он вообще ее начал писать, – сказала она, просматривая служебные сообщения в своем смартфоне и добавила, что я могу возвращаться к своим делам.

Дел у меня больше не было, я вернулся в дизайнерский отдел и остаток дня провел над душой у Тима, который проявлял старые фотографии. Рассказал ему о поездке в квартиру Вольского.

– Вот и хорошо! – решительно сказал Тим, согнувшись над лотком с жидкостью для проявки, где на дне плавала бумага с явно не удавшимися фотографиями. – Пусть Боголюбова не поет тебе про высший долг. У самой-то, наверное, есть какой-нибудь должок, – ехидно процедил Тим, – но она на него забила, а другим парит мозг. Знаешь, как люди, бывает, подают нищим милостыню не от великой заботы о ближнем, а лишь бы заткнуть свою совесть, которая все зудит совсем по иным причинам.

– Нет, Кристина прирожденный борец за правду. Когда-нибудь она построит хорошую журналистскую карьеру, если будет двигаться в том же направлении. Но сейчас она готова наивно рыть на ровном месте. Все в молодости наивны.

– Как скажешь, старичок, – проворчал Тим, вешая фотографию для просушки. – Сам вчера пялился на ту красотку брюнетку в баре, как ботаник на выпускном.

– Кстати, она мне снилась сегодня.

Тим даже отвлекся от работы, застыв, и посмотрел на меня с видом гения, который постиг непостижимое.

– Ты смотри! И жаркий был сон? – лукаво спросил он. Выражение его засвеченного красным светом лица было как у искусителя. Он сделал шаг вперед, вопросительно таращась исподлобья.

– Тим, как друг должен тебе признаться, что ты меня пугаешь. Тебе известно, что долгое пребывание в помещениях с красным освещением плохо действует на психику? Кстати, что ты делаешь?

– Сам не знаю. Воронин пишет очерк об истории города, поэтому Лидия припарила меня сделать для его статьи фото из архивных пленок. Нет, я серьезно. Она тебе так понравилась, что приснилась этой же ночью?

– Ну... это был кошмар, вообще-то. Она там ползала по стене моей спальни. Не знаю, почему она приснилась мне, но прошу тебя, не пытайся сказать, что я увлекся какой-то девушкой в день, когда похоронил Марину. Кем бы ни была эта девушка из бара, ни она, ни другая не заменит Марину.

– Причем здесь замена, Марк! Не подаваться же тебе в монахи. Никто и не должен заменять Марину, просто у нормального мужика должны быть отношения.

– Да, ты прав, – согласился я, – Но я только вчера видел, как крышка гроба навсегда закрыла лицо моей любимой, Тим. Мне нужно время.

Глава 4. Вопросы

Хорошую информацию трудно добыть. Сделать с ней что-нибудь – еще труднее.

Р. Л. Асприн

«Мифические персоны»

Мне было сложно переступить порог этой квартиры и страшно покидать ее пределы.

После работы мы с Тимом отправились в квартиру Марины. Там остались все мои вещи. По пути заехали в пиццерию, перекусили. На улице вновь начался дождь, лишь усилившийся с того времени, как мы решили переждать, когда он закончится.

Опель Тима остановился возле высокого здания, стоящего углом на перекрестке на одной из центральных улиц. К горлу подступил комок. Возвращаться сюда всегда было так привычно. Но только не сегодня. Я оглядел дом через зеленоватое окно машины. Вчера мне казалось, что я никогда не вернусь в квартиру на пятом этаже, что вдоль по лестничному коридору направо. И вот уже сегодня возвращаюсь за своими вещами, хотя думал, что без Марины мне больше ничего не нужно. Даже жизнь.

А теперь мне нужна моя одежда, еда, крыша над головой, пусть любая, но мне это нужно. Существование каким-то образом продолжается. Я не могу просто заставить себя не дышать, как это сделал Вольский. Выходит, мне нужна жизнь. Без Марины. Значит – да. Но какое оно, будущее без любимого человека?

Мы поднялись на стареньком скрипучем лифте внутри решетчатой шахты на темный пятый этаж. Единственный источник света, узенькое отжелтевшее окошко в конце коридора, отблесками отражалось в крашенных зеленоватых стенах между дверей. Тим и я прошли мимо трех дверей и остановились возле квартиры 67. Я запустил руку в холодный карман мокрой куртки, достал ключи и понял, что это ключи от моей квартиры. Сунул их обратно, достал ключи из другого кармана. Они, зацепившись за шов куртки, выпали и со звоном упали возле мокрого следа рядом с дверью. Я поднял ключи, подставил ногу и сравнил размер своего ботинка со следом возле двери. На глаз размер одинаковый, но след сплошной, как от туфлей, а я в ботинках.

– Тим, – я указал на пол.

– Хочешь сказать, что это не твой?

Я кивнул и толкнул входную дверь, и она поддалась. Медленно и без скрипа дверь отворилась полностью, открыв вид на светлый широкий коридор с бежевыми стенами и лаковым паркетом, на котором поблескивали те же мокрые следы, уходящие и в кухню, и в зал, и в остальные комнаты.

Я сделал жест рукой, чтобы Тим проверил кухню, а сам направился в зал. У стены стоял сложенный черный зонт. Я шагнул в комнату и увидел стоящего возле стола высокого плотноватого мужчину в темном деловом костюме. Он листал большой фотоальбом в промозглом дневном свете. Заметив краем глаза движение, он повернул голову ко мне.

– Здравствуйте, Марк, – сказал крестный Марины и закрыл альбом.

Мне было известно, что он очень любил свою крестницу. Видел его вчера на похоронах. Тогда мы не обменялись ни словом. Нам не о чем разговаривать. Разве что разрывать и без того болящую рану в душе. Поэтому и сейчас мы оба остались молчать.

В комнату вошел Тим. Он вопросительно посмотрел на меня, а затем указал глазами в сторону крестного Марины.

– Тим, это Сергей Геннадиевич Варфоломеев, – представил я, – Сергей Геннадиевич, это мой друг и коллега Тимофей Короленко.

Они пожали друг другу руки. Сергей Геннадиевич – с деловой исполнительностью, а Тим – с осторожной вежливостью.

– Очень приятно, – бесцветно сказал Сергей Геннадиевич. – Тимофей, можно я поговорю с Марком наедине? Не против? Это займет всего пару минут.

Тим увидел по выражению лица, что я не возражаю.

– Подожду в кухне, – сказал он и вышел.

Сергей Геннадиевич вернулся к столу. Видимо думал с чего начать. Его взгляд остановился на телефоне с автоответчиком. Потом он посмотрел на меня.

– Как у вас дела, Марк?

Я сел в кресло рядом с входом, облокотившись локтями на колени, и протерев лицо ладонями.

– А что?

– Я беспокоюсь за вас.

– Спасибо, не нужно.

– В самом деле? – медленно проговорил Сергей Геннадиевич. Он смотрел в одну точку все более застывающим взглядом. Потом неожиданно сказал: – Если у вас все нормально, Марк, – и нажал на кнопку автоответчика, – то, что это?

Раздался фон телефонной линии, зазвучал мужской голос:

– Здравствуйте, меня зовут Петр Игоревич Ленский, капитан уголовного розыска. Мы никак не можем застать вас, ни дома, ни на работе, гражданин Меерсон, а нам бы очень хотелось побеседовать с вами о Павле Вольском. Позвоните, пожалуйста, когда прослушаете это сообщение.

Он назвал номер, и сообщение закончилось.

Теперь Сергей Геннадиевич смотрел на меня, словно упрекая или ожидая моих оправданий. Как бывает у начальника, подозревающего своего подчиненного в финансовых махинациях, из-за которых его фирма терпит колоссальные убытки. Такая сценка ему, наверняка, знакома, у него есть собственная компания по поставке запчастей.

– Сергей Геннадиевич, – начал я, – как это относится к вам?

– Как же, Марк? Капитан уголовного розыска не может найти вас. Я посчитал, что нужно сказать вам об этом.

– Спасибо, но это ведь не ваш автоответчик.

Он понял суть моего недовольства и многозначительно добавил:

– Да, конечно. Но и не ваш.

– К чему вы ведете?

– Эта квартира оформлена на отца Марины. Мы собираемся ее продавать.

И хотя я не намеревался здесь жить, я привык к этому месту как к своему дому. Слова крестного Марины прозвучали резко. Дальнейших разъяснений не требовалось.

– Вы хотите, чтобы я убрался отсюда поскорее, – озвучил оставшееся недосказанным я.

– Вы правильно меня поняли, – его глаза вдруг стали непреклонны.

– Так за этим я и приехал. Точнее, за своими вещами. Но не нужно лезть в мою жизнь.

Раз мы друг друга поняли, думаю, разговор закончен.

Сергей Геннадиевич коротко кивнул.

– Уверен, у вас еще много дел, – я встал с кресла, – Тем более вам, должно быть, сложно здесь находиться, ведь это квартира вашей любимой покойной крестницы.

Он спрятал за улыбкой свою злость, но самообладания не потерял. Утрата Марины несколько не объединяла, а лишь увеличила пропасть между нами.

– Вы правы, мне уже пора.

Он невозмутимо вышел из комнаты, взял зонт и покинул эту квартиру, не попрощавшись.

Тим выглянул из кухни и вопросительно посмотрел на меня. Я закрывал дверь за Сергеем Геннадиевичем.

– Я почти все слышал, – сказал он. – Похоже, этот мужик тебя не очень жалует.

– Это взаимно. Ладно, давай соберем мои вещи да поедем отсюда.

Моих вещей здесь было много. На чердаке над Мариной квартирой я нашел несколько картонных коробок, пригодных чтобы вместить одежду и другие вещи. Сорвал со стены фотографии, сделанные мной в том далеком прошлом, где счастье весило больше чем просто слово. Целую вечность назад.

Фото, которые украшало лицо Марины, я складывал в отдельную папку. Выбирал из общей массы ее фотографии и чувствовал, как к горлу с ломотой подступают слезы, от этого я работал быстрее, чтобы перестать видеть ее лицо на фотографиях. Поспешно затолкав их в папку и закрыв, я швырнул ее на стену, и папка упала на стол.

Во мне разгорелась нестерпимая злость к самому себе. Я возненавидел себя из-за того, что не могу вынести потери, и буду ненавидеть, если вынесу. Выходит, я больше не могу видеть лица Марины? Оно мне невыносимо? Вот во что превращается любовь после утраты?

Я с силой ударил ботинком по столу и услышал звон бьющегося стекла внутри. Твою мать! Из щелок под дверцами стола полились струйки растворов для проявки.

С лестницы заскочил настороженный Тим. Он беглым взглядом окинул все помещение, при этом задержав его на открытой двери на крышу, где бушевала стихия, и остановил взгляд на мне.

– Что, Тим? – устало спросил я.

– Что здесь грохочет?

– Полоумный фотограф-психопат.

– Зачем?

– Потому, что он полоумный, Тим.

– Все так плохо?

– Всё в порядке. Вот, возьми, – я протянул коробку с фото. – Я сейчас спущусь.

Он кивнул, взял коробку и вышел на лестницу.

Некоторое время я стоял и ничего не делал. В душе кипел гнев. Потом я направился к выходу на крышу. По мере моего приближения к открытой двери, разноголосый шум капель, ударяющихся об антенны, металлический карниз и залитую смолой крышу, усиливался, становясь громче и разборчивее. В лицо врезался сырой холодный воздух. Я накинул капюшон куртки и шагнул под дождь. Крупные капли тяжело забили в одежду.

Отсюда открывался чудесный вид на город. Где-то в сизой завесе уходящего дня уже горели огни, хотя темнота еще не торопилась наступать. Здесь сильный ветер срывал мой гнев. Я подошел ближе к краю крыши, вглядываясь в мокрую улицу внизу. Смотрел на город и не узнавал его. Вид, который я снимал много раз в прошлом, сейчас стал пустым и незнакомым. Дождь крал с этих улиц десятки лет, делая дома старыми, унылыми и обветшалыми. Темные подтеки сползали с фасадов к тротуарам, покрывая Калининград мрачной вуалью. Передо мной простерся новый темный мир, о котором я что-то плел Тиму вчера в баре. Мир без моей Марины.

В последний раз я бросил взгляд вниз. Выхватывая фарами блестящий штрих утихающего дождя, по улице ехала серая иномарка, напомнившая мне о BMW возле дома Вольского. Машина припарковалась на противоположной стороне улицы, а я вернулся в чердак и спустился вниз.

Тим разбирал компьютер, когда я зашел в спальню.

– Сейчас дождь вроде немного поубавился, может, отвезешь компьютер и несколько коробок ко мне в квартиру? Оставь прямо в коридоре и возвращайся, а я здесь к тому времени соберу остальные вещи.

– Да, это можно, – Тим выпрямился с системным блоком в руках и направился к выходу. – Так и сделаем.

Погрузив коробки в Опель и отдав свои ключи Тиму, я вернулся в квартиру Марины.

Теперь, когда здесь не звучало голосов, комнаты сделались пусты как никогда.

Окинул взглядом спальню, зная, что в скором времени больше не увижу эту комнату. В шкафу лежала моя спортивная сумка, я побросал в нее футболки, джинсы и еще несколько мелочей. Остановился. С болью и тоской взглянул на сарафаны и топы Марины. Снимал с вешалок свои вещи и складывал в коробки, приготовленные для одежды. Поставил спортивную сумку на пол рядом с входной дверью.

Голова снова начинала гудеть. Нашарив в ящике в ванной анальгетик, я выпил пару таблеток с водой из крана. После дневной порции аспирина должно помочь. Из зеркала на меня посмотрел похудевший небритый человек с кругами под уставшими глазами, чьи мысли были где-то не здесь. Где-то далеко, они с тоской склонились над каменным надгробьем. Взгляд человека в отражении был взглядом, видевшим больше, чем полагается за 28 лет. Я бы отшатнулся, увидев его, если бы не узнал в нем себя. Вчера в баре, среди других людей мое отражение не казалось настолько потрепанным.

Раздался звонок в дверь.

Тим только минут десять как уехал и не мог вернуться так скоро. Может быть, Сергей Геннадьевич что-то забыл.

Я подошел к двери и глянул в глазок. Лестничный коридор теперь освещала зажегшаяся с наступлением темноты люминесцентная лампа. Перед дверью стояли двое мужчин примерно одного роста, один из них похудее и в кожаном пиджаке, а другой в чем-то сером. Они позвонили еще раз. Я начал открывать дверь. Тот, что был в кожаном пиджаке, заглянул в щель.

– Марк Меерсон? – спросил он.

– Я могу вам чем-то помочь? – отозвался я.

– Хорошо, что мы застали вас дома, – вежливо улыбнулся тот. – Я оставлял вам сообщение на автоответчике. Я капитан Ленский, уголовный розыск. Это мой коллега, – он указал на своего безмолвного спутника, разглядывавшего двери соседних квартир, – капитан Стромнилов. Мы можем поговорить внутри?

Я кивнул со смутным чувством недоверия и отступил в сторону, открывая дверь шире. Оба зашли осматриваясь. От Стромнилова пахло густым сигаретным дымом. Он оказался крупнее, чем выглядел в глазке. Ленский, успел заметить мою сумку возле входной двери. Потолкавшись в коридоре, они прошли в зал. Закрыв входную дверь, я проследовал за капитанами.

Стромнилов разглядывал книги, стоящие на полках за стеклянными дверцами мебельной стенки, окинул взглядом комнату, прошел к окну и выглянул, протиснувшись для этого сбоку стола, на котором лежал фотоальбом, оставленный Сергеем Геннадьевичем. Ленский не так интересовался окружающей обстановкой, он тут же повернулся ко мне.

– Вы уезжаете куда-то? – спросил он, изобразив перед этим минуту раздумий, хотя было ясно, что этот вопрос назрел у него в голове еще, когда он увидел сумку с вещами в прихожей.

– Надеюсь, я не под подозрением? – поинтересовался я, усаживаясь в кресло и жестом приглашая сесть гостей. Но те не обратили внимания и остались стоять.

– Почему-то все об этом спрашивают, когда к ним приходят из полиции, – саркастически проговорил Стромнилов, продолжая смотреть в окно.

– Так вы уезжаете из города? – спросил Ленский.

– Нет. Но я думал, речь пойдет о Вольском. Вы предполагаете, что его убили?

– Нет, мы *знаем*, что его убили, – ответил Ленский и прошелся по комнате к выходу и обратно. – Обстоятельства его смерти довольно запутаны. Для разрешения ряда вопросов, которые у нас есть, мы хотим видеть картину последних дней его жизни в целом. Мы должны

поговорить и о вас, и о Вольском, и о вашей совместной работе. Скажите, какие именно обязанности вы выполняете в качестве редакционного фотографа?

– В основном фотографирую. Отбираю на первичном этапе наиболее удачные кадры.

Обсуждаю с журналистами подходящие для их материала снимки.

– Кто назначает темы для ваших фотографий?

– Редактор, главный редактор и журналисты.

– Правильно я понимаю, вы работаете одновременно с журналистами, выезжаете с ними, они вам говорят, что нужно снять?

– Иногда я выезжаю отдельно. Это производственный процесс, зависит от обстоятельств.

– Как давно вы знаете Павла Вольского?

– Примерно три года.

– Часто ли вы работали с ним?

– Да.

– За время совместной работы Вольский стал вашим другом?

– Скорее оставался хорошим знакомым.

– Вы работали с ним над его последней статьей? – задал вопрос Ленский и замер, наблюдая за моей реакцией.

– Нет. Он только вскользь упоминал о ней.

Стромнилов и Ленский переглянулись. Это был первый раз, когда Стромнилов оторвался от окна.

– Вы не были задействованы в работе над статьей? – внимательно взглядевшись в мое лицо, переспросил Ленский и затем вновь обменялся взглядом со Стромниловым.

– Как я уже и сказал. Не был.

– Что вам о ней известно?

– Да ничего не известно.

– Она ведь посвящена научному открытию?

– Что-то в этом роде, – согласился я.

– А конкретнее?

– Ничего конкретнее мне об этом не известно.

Похоже, этот ответ не очень их устраивал. Ленский озадачено помолчал. Стромнилов смотрел через комнату на меня.

– Вы считаете, произошедшее с Павлом как-то связано с профессиональной деятельностью? – спросил я.

Ленский кивнул, давая понять, что услышал мой вопрос, но вместо ответа продолжил задавать свои:

– К этому мы вернемся позже. Кто еще знал, что Вольский работает над статьей?

– Без понятия.

– Он просил вас держать втайне от коллег и знакомых его работу над последней статьей?

– Нет. Да он говорил о ней меньше, чем о других своих статьях.

– Вам это не показалось странным?

– Нисколько, потому что обычно мы говорили о статьях в рамках производственного процесса, как фотограф и журналист. В этот раз Вольский писал без меня. Ему не нужен был фотограф.

– Неужели? – воскликнул Ленский.

– Здесь нет ничего удивительного. Не все статьи в нашем журнале сопровождаются фотоматериалами.

– Как вы думаете, он доверял вам свои тайны, посвящал в дела, о которых знал только узкий круг людей?

– Мне кажется, у него и тайн-то не было.

– От вас?

– Нет, вообще. Он был очень простым человеком, которому вряд ли было что скрывать от людей.

– Скажите, Вольский не собирался увольняться, уезжать? Понимаете, как-нибудь менять свою жизнь?

– Постойте, зачем ему это? – удивился я.

Ленский постарался напустить безразличный вид.

– Мы просто отработываем версии. Может быть, у него переменялось настроение в последнее время?

– Именно в последнее время мы виделись реже.

– И тем не менее, господин Меерсон.

– Насколько мне известно, никаких перемен с ним не происходило.

– Вольский передавал вам на хранение какие-нибудь вещи?

– Разумеется нет.

В разговоре возникла пауза. Полицейские сопоставляли в уме мои ответы с сформировавшимся у них видением событий. И что-то явно не складывалось.

– Вы недавно пришли? На вас мокрая одежда, – заметил Ленский. – Мы видели вас возле Опеля на улице. Вы, кажется, грузили туда компьютер. Водитель машины ваш друг?

– Да, но какое отношение это имеет к смерти Вольского? – быстро среагировал я. – Давайте поговорим по делу и закончим с этим.

– Куда ваш друг повез компьютер?

– Это-то здесь причем? – устало спросил я.

– Вы правы, – задумчиво произнес Ленский, – это совершенно не важно.

Стромнилов тихо усмехнулся.

– А кто эта девушка? – неожиданно спросил Стромнилов, заглянув в фотоальбом.

Ленский посмотрел на меня, словно задавая этот же вопрос.

– Это моя невеста. Она умерла. Вчера состоялись ее похороны. Мы находимся в ее квартире, – сухо ответил я, чувствуя, как их вопросы подбираются к моей ране.

– Правда? А что тогда вы здесь делаете?

– Собираю свои вещи. Мы жили вместе.

Они помолчали некоторое время, не спеша приступить к дальнейшим расспросам, словно наслаждаясь напряжением, начавшим нарастать во время тишины. В их присутствии в этой комнате, в этой квартире таилось нечто странное, чего я не мог до конца осознать, но все же ощущал.

– Вернемся к Вольскому, – предложил Стромнилов в тот момент, когда я собрался закончить разговор и попросить их уйти.

Ленский бросил на него короткий взгляд и повернулся ко мне:

– Господин Меерсон, вы слышали когда-нибудь от Вольского имя Вайнер?

– Только однажды. В тот раз, когда Павел упоминал о своей статье. И сегодня, когда я заезжал в квартиру Вольского по поручению редакции, я видел там копию доклада профессора Вайнера.

Похоже, Ленский прекрасно понимал, о чем речь. Он жестом остановил меня:

– Давайте уточним, вы впервые услышали имя Вайнера от Вольского?

– Ну да, как я и сказал.

– А вас не смущает, что доктор Вайнер недавно стал достаточно заметной фигурой в научном мире в связи с рядом своих заявлений?

– Я не очень интересуюсь наукой.

– Я введу вас в курс дела. Вайнер оказался не очень общительной персоной к большому разочарованию прессы, что лишь способствовало развитию интриги вокруг его научных работ.

И по этой же причине ваш коллега Павел Вольский решил написать статью об открытии Вайнера. Более того, ему удалось лично общаться с профессором, расположить ученого к себе и получить доступ к некоторым бумагам Вайнера. Не просто доступ, ваш коллега оставил их у себя дома. И здесь мы с вами возвращаемся к докладу, который вы очень кстати упомянули. Итак, – медленно произнес Ленский. – И где же этот доклад теперь?

– Только не говорите, что не брали его, – добавил Стромнилов.

– Не брал, – и тут я вспомнил, что взял его и отдал Кристине. Я не хотел впутывать ее, поэтому не признался, что наскоро ответил неправильно. Моя заминка не осталась незамеченной.

– Видите ли, мы только что вернулись с повторного осмотра места преступления. В квартире Вольского доклада профессора Вайнера нет. Однако вчера он там был, – сообщил Стромнилов.

– Зачем вы взяли доклад Вайнера? Чтобы разобраться во всем самостоятельно? Что вам известно? Что вы от нас скрываете, господин Меерсон?

– Что это всё значит? – возмутился я, и раздраженный их наглостью, повысил голос. – Зачем мне что-то скрывать?

– Вы знаете больше, чем говорите, и мы обязаны выяснить, что вам известно! – Ленский тоже повысил голос. – Чего вы боитесь? Нас? Того, что знаете? Или чего-то еще? Ответьте!

– Я ничего не скрываю. Вам не удастся повесить на меня то, к чему я не причастен. Ясно? – я поднялся с кресла и сделал шаг в сторону Ленского. – Если бы я знал, что разговор пойдет в таком тоне, я не пустил бы вас в квартиру и послал куда подальше. А теперь убирайтесь отсюда, пока я не позвонил вашему начальству!

Лицо Стромнилова исказилось, побагровело, но он промолчал. Капитаны в очередной раз переглянулись. Я ждал, когда они уйдут. Ленский, глядя на Стромнилова, пожал плечами, а Стромнилов кивнул.

Поняв так, что они вынуждены будут уйти, я почувствовал, как густой накалившийся воздух между нами стал немного легче.

– Он нам не скажет, – констатировал Стромнилов, обращаясь к Ленскому. Его безликий взгляд ничего не выражал.

Ленский как будто напрягся.

– Спокойно, – тихо сказал он.

– Да, я вам ничего не скажу, – отрезал я, – потому что мне нечего вам сказать. Я ничем не могу вам помочь, господа.

– Он не может, – повторил с насмешкой Стромнилов.

– Сможет.

Что значила эта фраза? На секунду мне показалось, что часть разговора выпала из моего внимания и сейчас я силюсь осознать, что происходит в этой комнате и о чем говорят эти двое мужчин.

– Нет, к сожалению... – протянул Стромнилов, так словно ему в общем-то было всё равно.

– Подожди. Мы еще не закончили с ним.

– Нет уж, – строго перебил я, – Закончили. Вы не имеете права находиться в этой квартире, если у вас нет на то веских причин!

– Сядьте, господин Меерсон! – сухо предостерег Ленский, – У нас не меньше прав находиться в этой квартире, чем у вас. И у нас есть веские причины продолжить этот разговор!

– Я не ясно выразился? Валите к чертовой матери! Вы до сих пор не предоставили мне вразумительного объяснения, что вам от меня нужно! А на вопрос: «подозреваемый ли я», вы сказали, что нет!

Ленский лишь взглянул на Стромнилова, который, не отрываясь, смотрел на меня, и в его мутных глазах проступала ярость.

– Мне это надоело! – враждебно сказал Стромнилов.

– Нет! Это мне надоело...

– Помолчите, пожалуйста, господин Меерсон! – процедил Ленский и толкнул меня в кресло.

Не ожидая от него резких действий, я легко поддался и как пушинка приземлился в кресло.

Он шагнул вперед и навис надо мной:

– Если вы думаете, что мы ваши враги, то вы ошибаетесь. Поверьте, смерть вашего коллеги напрямую связана с информацией, которую Вольский получил от профессора. Это опасная информация. Очень опасная. И мы знаем, что вы понимаете, о чем я говорю. Не нужно отрицать! Скажите, что Вольский успел рассказать вам? Где документы, связанные с числом, формулы или серии формул? Вы взяли доклад Вайнера из квартиры Вольского, чтобы разобраться, что попало к вам в руки, не так ли?

– Какое число? Какие формулы? – совсем запутался я.

– *Число начала*, господин Меерсон. Число начала. Где спрятано то, что называют числом начала? – с нажимом проговорил нависавший надо мной капитан. – Оно не ваше. Это вам не принадлежит. И мы готовы открыть переговоры, дабы получить его от вас.

– Какие переговоры?

– Торговые. Мы можем предложить вам большую сумму денег за то, что Вольский передал вам. Или даже всего лишь за бумаги, способные помочь найти то, что мы ищем. Не те бумаги, которые вы взяли, мы их видели, это всего лишь наброски. Нам нужны более конкретные поздние наработки. Это должна быть стоящая информация. Правдивая. Не ложь, – предостерегающе произнес Ленский. – Может быть, документы на ячейку для хранения в банке, ключ от камеры хранения на вокзале. Не нужно спорить, отрицать что-либо или идти на конфронтацию. Просто окажите содействие, и вы будете щедро вознаграждены и избавлены от... *лишних хлопот*.

Я перевел глаза на Стромнилова. Тот застыл на месте. Он, как и Ленский, с тревожным предвкушением дожидался моих дальнейших слов.

– Вы серьезно? Но я ничего не знаю. Я же сказал. Я ничем не могу помочь вам. Меня не интересует ни ваше предложение, ни то, что вы ищите.

– Мы же не плохие люди, господин Меерсон. Вы должны понять, мы действуем на благо всем и в интересах каждого. Вам нечего бояться...

– Просто уходите, – перебил я твердо. – Мне сейчас не до вас. Уходите!

С полминуты подумав, Ленский добавил:

– Вы не поняли, наше предложение очень выгодное...

– Я ничего не знаю, так что мне нечего вам сказать. Здесь какая-то ошибка, и я не хочу с этим связываться. А теперь уходите! – строго подвел я черту, обеспокоившись тем, что никак не могу выдворить этих скользких подозрительных типов.

– Поймите, этого просто не может быть. Вы единственный человек, связанный с нашими поисками. На вас замыкается цепочка. Мы это знаем наверняка, поэтому никакие ваши увертки на нас не подействуют, – попытался объяснить Ленский, он понимал, что упускает момент, и готов пойти на любые уловки, лишь бы добиться моего участия, но я его уже не слушал.

По моему молчанию они поняли, что я ничего говорить не стану, а возможно, что я действительно ничего не знаю, и они вышли на меня по ошибке. По причине странной и зловещей, однако, до которой мне не было дела.

– Ты ему веришь? – обратился Ленский к Стромнилову.

Тот лишь неопределенно покачал головой в ответ.

– А какие есть еще варианты? – безрадостно отозвался он.

Они постояли так, глядя друг на друга, затем оба направились к выходу.

– Минуточку, господин Меерсон, – сказал Ленский прежде, чем я успел подняться из кресла. – Мы поговорим с моим напарником и вернемся.

Я хотел возразить, но решил лишний раз не обострять обстановку.

Голоса из коридора доносились приглушенными, и из-за капельной дроби дождя в окно я совсем не разобрал, о чем говорили незваные гости, но их разговор был коротким.

Вернувшись в комнату, Ленский молча постоял у двери, склонив голову и глядя на меня с сожалением. А потом вдруг стремительно направился ко мне:

– Если вы, Марк, не одумаетесь, – тихо и, придвигаясь ко мне, прошипел Ленский, – я могу устроить вам встречу и с вашей девушкой, и со всеми вашими предками ныне не живущими! И не стоит обманываться мыслями о том, что я полицейский. Поверь, это тебя не спасет.

Он замолчал, давая мне осознать всю серьезность их намерений. Я почувствовал, как мой взгляд становится твердым, бросающим вызов его угрозам. Однако взгляд Ленского был слишком жестким, слишком бесчеловечным. И эта перемена в капитане была более чем однозначной и красноречивой.

Глава 5. Катрина Вэллкат

*В ней было все, чем страшен слабый пол
Все дьявольские чары сатаны,
С какими он однажды подошел
Смутить покой Адамовой жены.
Никто бы в ней изъяна не нашел:
В ней бил и солнца блеск, и свет луны,
Ей только кротости недоставало —
Она и полюбив повелевала.*

*Дж. Г. Байрон
«Дон Жуан»*

Уже не первый день окрестности тонули под проливным дождем. Темные подтеки на фасаде поместья Ворман стремились к земле от самой его крыши. Вода скапливалась в нишах тяжелых карнизов, стекала по скрюченным плетям дикого винограда, опутавшего почти все стены двухэтажного здания, непроглядные стекла больших старых окон испещряли стремительные струйки дождя, а злые горгульи под крышей, неистово устремившись высоко над землей, изрыгали целые потоки воды.

Построенное во времена Восточной Пруссии поместье находилось в стороне от шоссе и было обнесено высоким кованым забором, тянувшимся до самой обочины. С остальных сторон подступал лес, чьи листья отжелтели еще в начале октября и, потускнев, теперь казались серыми и опадали, срываясь под натиском дождя. В нескольких километрах отсюда располагался один из небольших промышленных городков-спутников Калининграда, чьи трубы вздымались высоко в бурое небо на горизонте.

Старый особняк, ровно, как и относящиеся к нему земли, неизменно был пустынен и не обжит, словно хозяева забросили его многие десятилетия назад. Словно он никогда в хозяевах не нуждался.

И, тем не менее, оные имелись. Правда, о нынешнем владельце ничего не было известно, за исключением того, что большую часть года он находится в разъездах за границей. А при предыдущих владельцах это место неизменно обрастало лишь отталкивающей репутацией. Запутанные тревожные истории, связанные с поместьем, тянулись сквозь эпохи, периодически обновляя славу пропащего места. Жена одного из первых владельцев внезапно погибла при так и невыясненных обстоятельствах. При обер-президенте Восточной Пруссии Эрихе Кохе после прихода нацистов к власти, в окрестностях поместья были зафиксированы случаи исчезновения солдат гитлеровской армии. Последующие поиски диверсионных групп успехом не увенчались и о пропажах забыли, тем более что тогдашний владелец поместья был лоялен к нацистскому режиму, состоял в НСДАП и оказывал искреннее содействие в поисках. В отличие от Кёнигсберга, сильно разрушенного в августе 1944 года в результате британских бомбардировок в ходе операции «Возмездие», поместье уцелело. С переходом части Восточной Пруссии во владение Советского Союза после поражения Германии вся уцелевшая частная собственность была национализирована, однако существование поместья новая власть обнаружила не сразу. По документам дом пребывал в ненадлежащем для партийных целей состоянии, и на протяжении десятков лет не интересовал советских чиновников, пока в конце 80х на обочине шоссе в тех местах не стали находить трупы жителей соседних населенных пунктов. Поначалу случаи списали на нападения диких животных, основываясь на характере повреждений тел. Однако впоследствии появились версии, в ходе рассмотрения которых фигурировал старый особняк. В результате распада Советского Союза во всех структурах власти начались кад-

ровые перестановки, бюрократическая путаница с документами, и в конечном итоге давними уголовными делами в новой стране уже никто не занимался. Остались только слухи и домыслы.

В 90х годах XX века старинный особняк неоднократно продавался и покупался. Разговоры вокруг него улеглись, и темное прошлое больше никто не ворошил, однако из поколения в поколение, вплоть до сего дня родители не разрешают своим детям гулять в тех местах, где лес переступает сквозь высокий кованый забор, боясь, что неспроста, когда дует западный ветер, он приносит с собой неприятный запах склепа.

Большая спальня для гостей на втором этаже была обставлена старинной хорошо сохранившейся и бережно отполированной тяжелой мебелью и массивной кроватью с шелковым постельным бельем. На темно-серых стенах с орнаментом и коваными светильниками в нишах висели громоздкие портреты неизвестных величественных личностей, обрамленные узорными бронзовыми рамами. Все лица на холстах, похожие друг на друга, но и возраст картин, и облачения персон приходились явно на разные эпохи, что свидетельствовало о том, что на них были изображены представители и основоположники одной фамилии.

В эркере на широком подоконнике оперевшись на стену, примыкающую к оконной раме, сидела брюнетка с роскошными блестящими волосами, небрежно обрамлявшими белое лицо. Чуть съехав вниз, она поставила одну ногу, обтянутую кожей узкого ботинка, с туго завязанными шнурками, на стену и длинными пальцами подперла подбородок, задумчиво глядя в окно. Ее черная одежда плавно обтягивала изгибы ее тела, девушка ничуть не выбивалась из темного и мрачного интерьера комнаты.

Взгляд ее сосредоточенных синих глаз был устремлен в лес, расположившийся вдалеке на противоположной стороне шоссе. Ее тернистые мысли не давали ей покоя, но это было почти незаметно. Она сидела так уже достаточно давно, но ее сознание застыло где-то не здесь, чтобы она могла это заметить. Она не видела ни леса, ни пасмурного неба. Сейчас перед ее глазами проносились отрывки из недавнего прошлого: она в темной квартире, дверь в которую была не заперта, на полу лежит человек в луже крови, и она явственно чувствует, что здесь были чужие люди. Люди, бывшие в этой квартире еще тогда, когда она поднималась по ступеням лестницы, и в спешке спрятавшиеся в подъезде этажом выше. Но кто они? Зачем они убили того, чью жизнь сделала бесценной информация, которой обладал этот одинокий старик?

За окном ворота возле дороги открылись, и с шоссе на подъездную дорогу, ведущую к дому, завернул большой серебристый автомобиль. Роллс-Ройс сбросил скорость, приближаясь к особняку, и остановился возле лестницы ведущей в дом. Водитель вышел, раскрыл черный зонт, подошел и открыл заднюю дверцу автомобиля. Занес зонт над вышедшей из салона темной фигурой и сопроводил хозяина в дом, также закрывая его зонтом от дождя.

За всем этим из окна внимательно наблюдала брюнетка, удобно развалившись на подоконнике в гостевой спальне. Каждая мелочь сама собой ясно отпечатывалась в ее сознании, она видела, как спешно легли пальцы услужливого водителя на хромированную ручку дверцы машины, с какой почтительностью была согнута его спина, заметила всего несколько капель, упавших с зонта на плечо его хозяина и теперь распространяющиеся по волокнам темного пальто. Когда приехавший скрылся из виду, войдя в дом, она еще какое-то время смотрела на мокрый асфальт под домом, а потом перевела взгляд снова на далекий лес.

В комнату постучали. Резные створки высокой двери приоткрылись, и в спальню шагнула девушка в кожаных брюках и алом жакете с острыми плечами, с убранными в пучок темными волосами и бледным худым лицом. Брюнетка сидевшая на подоконнике не шевельнулась и не придала внимания ее появлению.

– Катрина, – тихо позвала девушка, зашедшая в комнату, – *Он* прибыл.

– Спасибо, Анжелия, – сказала Катрина, не отворачиваясь от окна. – Я видела его в окно.

Анжелия сдержанно улыбнулась и, не сочтя, что разговор продолжится, вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

Катрина знала, что Виктор Ворман приехал специально лишь для того, чтобы повидаться с ней. Он любезно разрешил ей быть гостьей в его доме на время, пока у нее есть дела в здешних краях. Виктор относился к Катрине как к собственной дочери, несмотря на то, что родных дочерей у него было три. Младшая – Селона, названная в честь земель на северо-востоке Европы у берегов Даугвы, средняя – всегда последовательная и сдержанная Анжелия, и старшая – эгоцентричная красавица Инга. Несомненно, и Селона, и Анжелия не были обделены природной красотой, но старшая дочь была самой яркой из всех трех.

Катрина, наконец, оторвала задумчивый взгляд от окна и повернула голову ко входу. За резными дверями послышались голоса, первый давал распоряжения, второй ему о чем-то докладывал, третий голос был почти неслышен. Шаги зазвучали уже совсем близко.

– Достаточно! – раздался мужской голос за дверью. – Поговорим потом, Игорь. Я приехал не для того, чтобы выслушивать твои похотливые истории. Все свободны!

С полминуты в комнату никто не заходил, а затем прозвучал резкий стук в дверь, скорее предупреждающий о намерении войти, чем спрашивающий дозволения. Обе створки отворились, и в комнату вошел мужчина с длинными ровными темными волосами ниже плеч, убранными в хвост массивной металлической заколкой, в белой сорочке, черных брюках и лаковых туфлях на широком каблуке. Он выглядел подчеркнуто аккуратно. Нельзя было сказать, сколько ему лет, скорее он был молод, чем стар, хотя черты лица намекали на то, что он уже не юноша. Это делало его привлекательнее, несмотря на не очень богатые исходные данные. Холодный взгляд его черных глаз стал мягким и теплым при виде сидящей на подоконнике Катрины.

Он прошел и сел на козетку, любуясь своей гостьей. Он молчал. Катрина смотрела на него бесстрастным взглядом, появление Виктора было бы для нее более радостным событием, не будь она погружена в пучину своих мыслей. Ее что-то тревожило, и это не ускользнуло от давно знавшего ее Виктора. Хозяин дома улыбнулся.

– Я рад видеть тебя, – неспешно сказал он. – Сколько мы не виделись? Год?

– Почти год, – тихо уточнила Катрина. – С прошлого Поминального Бала.

– Все равно много, – он внимательно смотрел на нее, зная, что она намеревается поделиться с ним своими мыслями, и этого рассказа Ворман очень ждал.

– Я должна передать тебе слова благодарности моего отца. Он очень признателен тебе за то, что ты оказал любезность принять меня гостьей в своем доме.

– Я принимаю его благодарность, – чуть наклонил вперед голову Виктор. – Но, несмотря на то, что он мой друг и я его уважаю, я делаю это не для него, а для тебя.

Он выжидающе смотрел на Катрину. Потом мягко улыбнулся.

– Ты молчишь. Тебя что-то тревожит? – наконец спросил Виктор.

– Нет, – она отвела взгляд в сторону, разбираясь, какую часть из того, что она знает, можно открыть Виктору.

– Нет? – уточнил тот.

Катрина беззвучно вздохнула, чувствуя некоторое замешательство. Вопрос, который она собирается задать, который мучает ее саму, достаточно дерзкий, но вполне оправданный.

– Ты веришь моему отцу? – спросила Катрина. – Ты веришь в его убеждения? Веришь в правоту его интересов и идеалов?

– Слишком мало найдется тех, кто обладает достаточно твердым закалом, чтобы судить о нем беспристрастно и без предосуждений. Преданный традициям, чтущий нашу историю, он всегда идет своим путем, и практически никогда не ошибается. Иногда верить ему, значит быть безумцем, но не верить ему способен только глупец. Я верю, что он способен видеть там, где другие слепы. Поэтому я верю в его убеждения, но не всегда согласен с его решениями. Уверен, точно так же, как и ты, – в его словах прослеживались одновременно откровенность и желание аккуратно уйти от прямого ответа. Видя одинокий силуэт своей собеседницы в сыром сумрач-

ном свете окна, Виктор ухватил нить разговора, способного плавно обойти извечную тему, участником которой ему не раз приходилось становиться. – Но ты достойна иной жизни. Ты его дочь и, полагается, должна нежиться на лаврах почета, а не выполнять его приказы. Ты уже достаточно сделала для него. Для всех нас. Тебе нет сравнения. Это несомненно. У Зана достаточно подданных. В их числе много вполне способных. Они сгодились бы стать хорошими исполнителями важных поручений, которыми вверено заниматься тебе, – он помолчал, глаза его блеснули восхищением, и его губы слегка растянулись в улыбке. – Впрочем, я прекрасно осознаю, что не в твоём характере долго пребывать в праздности. А теперь расскажи, что именно ты так напряженно обдумываешь с первого мгновения, как я тебя увидел сегодня и пока мы с тобой говорили о твоём отце? Это связано с целью твоего визита в город? Какова суть твоего приезда?

– Суть предельно проста. Обычное курьерское поручение. Действительность же оказалась куда более непредсказуемой, – сказала Катрина, помолчав немного, обдумывая с чего начать, – Мой отец послал меня найти одного доктора физико-математических наук. Я должна была узнать у него информацию и передать отцу. Две недели назад я нашла профессора, но к тому времени он умирал и потому понял, кто я. В своём положении он не был способен внять моим просьбам и ничего мне не сказал. До меня там похозяйничали люди, убившие его. Я вошла в дом прежде, чем они успели убежать. Убийцы профессора спрятались на верхнем этаже и решили переждать. Но их любопытство подвело их, когда они пытались подслушать, не удалось ли мне вытянуть у старика чего-либо важного. Скрипнула дверь, и я погналась за ними. И все же им удалось спастись от меня. Некая сила послала своих псов и рыщет в поисках того же, за чем была послана я.

Виктор продолжал молча смотреть на нее, словно спрашивая, что она об этом думает.

– Возможно, они убили профессора случайно. Никакой здравый смысл не оправдывает его гибели. Разве что им удалось выпытать у него информацию, за которой пришла я. Если так, то я должна в этом убедиться. Но я не верю, что они получили то, за чем приходили. Возможно также, что убийство профессора могло быть их основной задачей. Но с этим не совпадает вид квартиры Вайнера, ее обыскали до меня, и вряд ли получили то, что искали, иначе они бы не стали подслушивать нас, – рассудительно заключила Катрина. – Только теперь, предположения остаются предположениями, я упустила этих людей.

– Тебя это тревожит?

– Нет, – сказала Катрина. Ее взгляд на мгновение стал холоднее, и это не ускользнуло от внимания хозяина дома. – Еще не все упущено. Во всяком случае, я нашла человека, который может развеять мглу неопределенности вокруг тайны, которую Вайнер постарался утянуть за собой в смерть.

– Это доброе известие! Позволь узнать, а в чем заключалась суть той информации, которую Зан хотел узнать от профессора?

– Некое громкое открытие. Ума не приложу, чем оно может быть полезно Зану.

– Тебе нужна помощь? Анжелия и Инга могут сопровождать тебя.

– Нет, благодарю, Виктор, ничего особенно хлопотного в будущем не предвидится, поэтому я не стану злоупотреблять поддержкой, которую и без того оказывает твоя семья.

– Как тебе угодно, но имей ввиду, ты всегда можешь рассчитывать на нашу помощь.

– Я это знаю, – она благодарно улыбнулась, бросила взгляд в окно, потом снова повернула голову к Виктору. – Как думаешь, для чего Зану понадобилось вмешиваться в судьбу исследования этого ученого?

Потирая пальцем бровь, Виктор с минуту поразмышлял над вопросом, который действительно звучал необычно.

– Как, ты сказала, зовут профессора? – он поднялся с козетки и медленно начал двигаться по комнате, внимательно глядя на Катрину и осознавая, что начинает догадываться о планах Зана. И если это так, то планы его давнего друга поистине колоссальны.

– Тебе что-то известно? – констатировала Катрина.

Виктор улыбнулся, восхищаясь ее нетерпением:

– Как его имя?

– Вайнер. Александр Вайнер. Доктор физико-математических наук, профессор Физико-технического института Балтийского федерального университета Канта.

Виктор остановился и задумчиво посмотрел в окно мимо Катрины.

Она ждала, когда тот поделится с ней своими размышлениями.

– Какие мысли таятся у тебя в голове, Виктор? – Катрина всмотрелась в глаза собеседника.

– Ты, разве, не слышала о теории Вайнера?

– Подобное мне не больно интересно.

– И все же не теперь, – поправил ее Виктор, – когда ты стала связующим звеном между планами твоего отца и рациональным миром ученых, совершенно далеким от нашей повседневной жизни. Немногим меньше месяца назад, когда ты гостила у Астрид, при Понарине состоялся странный разговор, в котором Зан поведал историю о работе профессора Вайнера, весть о которой дошла до Зана через средства массовой информации, подхвативших и раздувших эту новомодную научную тему. Если бы не твой вопрос, я бы и не вспомнил о том разговоре. Несмотря на то, что остальные не поддержали Зана, (как считал Бонапарт, у королей нет недостатка в людях, которые находят случай возразить) Зан был тверд в своих намерениях, которые на тот момент казались мне размытыми и ясными только ему одному. И с твоим деловым визитом в мой город для меня прояснилось, что Зан не отступился от своей задумки. Не знаю, как к этому отнесется Понарин, когда узнает. – Виктор сделал паузу, прежде чем начать рассказ. В его памяти зазвучал убежденный голос отца Катрины, звонко отражавшийся где-то во тьме, в холодных стенах темной комнаты за полторы тысячи километров отсюда.

Большое помещение с низким потолком находилось под землей. Свет сюда проникал только через круглую световую шахту в потолке и разбивался о большой треугольный каменный стол, в трех обрубленных вершинах которого обычно восседало трое неизменных участников совета. Сегодня одно место пустовало. Однако в темной подземной комнате с круглой световой шахтой в центре низкого потолка всё равно находились три фигуры. Виктор стоял у стены. Он не имел ни права, ни дерзновения сидеть за этим столом. Он следил за ходом разговора и не вмешивался.

Между тем сидящий в левой нижней вершине стола красивый серб с бакенбардами и вороными волосами средней длины продолжал декламировать:

– Доктор физико-математических наук профессор Александр Вайнер, в прошлом ведущий научный сотрудник советского исследовательского объекта закрытого типа, за последние два года стал известен на весь мир. Его теория будоражит умы многих физиков и математиков, астрономов, философов и теологов. Кто-то с трепетом следит за его поисками, и я подозреваю, что среди них есть состоятельные меценаты, рассматривающие вложения в его исследование как очередные полезные инвестиции. А кто-то напрочь отвергает идеи Вайнера. Скептики стоят на том, что сообщались лишь общие описания теории, в деталях она всё еще практически неизвестна, а то, что известно не вписывается в Стандартную модель. Иные научные издания возражают, что у Стандартной модели есть недостатки, которые объясняет Физика за пределами стандартной модели, к каковой относятся теоретические разработки Вайнера. Известно, что в основу его теории легли современные исследования в области физики и фундаментальных взаимодействий. Он посвятил работе над ней тридцать лет. Тридцать лет жизни. Для него это немалый период, – подчеркнул он. – Основываясь на расчетах, Вайнер описал

существование ранее неизвестной субматериальной величины, которую назвал Числом Начала. Мы должны проявить заинтересованность, зная, что Начало Вайнера связывает процессы, происходящие во всех формах материи, и является влияющей на них следственной закономерностью. Теория Вайнера описывает эту связь, а число при утилитарном подходе приведет к возможности применять знания практически. Со слов профессора, число начала это большой шаг на пути к примирению квантовой механики и общей теории относительности, оно способно изменить представление науки об устройстве мира, оно станет ключом от мира. Как мы знаем, в древних языческих представлениях о мироздании существовал миф о том, что вместе с миром был сотворен и ключ к нему. В случае теории Вайнера это неизвестная величина в Вайнеровом пространстве, в соответствии с существованием которой выполняются все известные условия взаимодействий, наблюдаемых в физике. Это дало Вайнеру основания назвать число Ключом всего сущего. Он определяет сферу применения результатов своих научных исследований как крайне широкую. Мне запомнилась фраза Вайнера: «все связано, ибо все создано». Вайнер озвучил этот тезис в своем докладе, в котором свидетельствовал, что откроет одну из величайших тайн Вселенной в ближайшем будущем. Введение понятия субматериальной величины при его успешном доказательстве поспособствует колоссальному прорыву, созданию новых теорий, целых дисциплин, а самое главное технологий. Однако некоторое время назад в среде научного мира прошел слух, что Вайнер закончил расчеты и теперь боится поведать людям о деталях своего открытия. Ряд научных источников утверждает, что Вайнер якобы опасается, что эти знания, получив широкую огласку, попадут в плохие руки. Критики его теории объявили, что все эти годы Вайнер гонялся за своей тенью и, наконец, понял, что такой следственной закономерности как Начало нет и быть не может, поэтому затаился в надежде, что о его громких заявлениях забудут. Однако его сторонники утверждают, что Вайнер хочет убедиться в правильности своих расчетов практическим образом. Они верят, что работа действительно почти завершена и, что общественность узнает все очень скоро.

Прямая фигура Понарина в центральной вершине равнобедренного каменного треугольника стола сидела неподвижно, внимая и предавая анализу каждое услышанное слово. Лишь его хрустального цвета глаза, передвигаясь, блестели в темноте. А когда Зан Вэллкат закончил, Понарин из темноты с другой стороны стола обратился к Виктору:

– Ведь этот ученый из твоего города, Виктор. Что ты думаешь о нем?

Ворман, прежде чем ответить, невольно взглянул на пустующее место за столом, помня, что высказывать свое мнение здесь следует с учетом интересов всех сторон.

– Вайнер затворник, тихий старый человек, прежде я даже не знал о его существовании. Я не могу добавить ничего больше к тому, что сегодня уже прозвучало в этой комнате. Но я допускаю, что в мозгу ученого втайне от всех могут рождаться идеи, способные так или иначе изменить мир. И я допускаю, что Зан способен разглядеть такого ученого.

Понарин поднял рук, прося тишины, и Виктор почтительно замолчал.

– Меня не интересуют идеи ученых. Меня интересует, может ли открытие некоей абстрактной величины в расчетах этого физика быть полезно для нас. Громкие фразы, аналогии с мифами, это просто способ популяризировать новую теорию. Сегодня речь идет только о применении этой теории.

Сухая практичная страсть, с которой Зан вновь заговорил, свидетельствовала о том, что он разделяет мнение Понарина.

– Вскоре после публикаций, заинтересовавших меня, Вайнер единственный раз в жизни выступал на научной конференции в Париже. Вероятно, на этом настоял его университет. Когда я увидел потерянного сконфуженного всей этой толпой на конференции старика, как он оглядывал людей, собравшихся в зале, как провожал взглядом предыдущего ученого, выступавшего перед ним; как он, сам не замечая, перебирал пальцами воздух и стоял у микрофона, старательно напрягая мышцы шеи, чтобы начать говорить, я посчитал, что зря трачу время

на него. На очередного безумца с формулами. А потом он заговорил о том, как лишь часть его решений следственной закономерности описывает мгновенное изменение свойств фотонов и электромагнитного взаимодействия ясным крепнувшим голосом знаний. И это был уже совсем другой Вайнер, чем тот старик, что вышел на сцену. Он не просто высчитал, как это работает. Он уже видел это. И он знает куда больше того, что говорит.

– Допущение, – возразил Понарин.

– Разумеется, – с вызовом согласился Зан. – И меня точно так же, как и тебя волнует только один единственный аспект. Полезны ли знания Вайнера в практической области или нет. Но мы не узнаем этого, сидя здесь и оценивая возможности его научных работ. Мы можем ухватить материю в свои руки и сделать с ней всё, что могут позволить открытые этим ученым знания. Это то, за что другие готовы продавать целые государства и режимы. Есть ли причины, мешающие нам узнать, на что способно открытие Вайнера?

– Хорошо, предложим Вайнеру работать на нас. Обеспечим ему правдоподобный уход из мира науки. Тяжелая болезнь, инсульт, недееспособность. О нем забудут.

– Маловероятно, что он станет работать на кого-либо, – не согласился Зан.

– Можно ведь создать условия, при которых у Вайнера не останется другого выбора.

– Это старый человек, мозг которого работает совсем иначе, чем у остальных людей.

Не стоит полагать, что мы сумеем предугадать, как Вайнер поступит в этом случае. Он может уничтожить свои труды, покончить с собой, всё, что угодно.

– Тогда я не вижу смысла в нашем обсуждении.

Белое лицо Зана выдвинулось вперед:

– Мы можем забрать результат его трудов.

– И напрасно привлечь к себе слишком много внимания. Я в этом не участвую, Зан. Быть может, когда-нибудь мы вернемся к этому разговору, но не сегодня. Знание – еще не технология. А посему заседание Триумvirата окончено.

Закончив пересказ того разговора, Виктор, вернулся к козетке и снова сел.

– Изменение свойств фотонов? – медленно переспросила Катрина. – Это же будущее военной маскировки.

– И не только, – многозначительно добавил Виктор.

Катрина и Виктор безмолвно уставились друг на друга. Каждый из них понимал, насколько сильно всё может измениться.

– Поэтому я здесь, – осознала Катрина. – Поэтому именно я. Зан знал, что могут возникнуть осложнения. Становится ясно, почему существует сторона, которая также заинтересована в получении необходимой мне информации.

– Если Зан правильно оценил потенциал открытия Вайнера, то я удивлен, как над моим городом небеса не разверзлись.

– Но подлинных сведений достоверно не существует, Виктор, так как Вайнер работал в одиночку, – подчеркнула Катрина.

– В любом случае, ты здесь. Зан увидел в этом открытии высший смысл. Понарин – нет.

– Кто из них прав и какова же истина, определит исход моих поисков.

Катрина молча посмотрела в сторону шоссе, оставив Виктора в размышлениях о переменах, какие ему предстоит увидеть в случае, если безразличные к науке старомодные воззрения их общества на сей раз подвели их, и Понарин ошибся, а Зан оказался прав.

Голос брюнетки вернул Вормана из ошеломляющего видения стремительно надвигающегося будущего:

– Мне не было ведомо, что за информацию я должна доставить, и потому не смогла оценить степень важности Занова поручения, – в мыслях Катрины пронеслись воспоминания о людях, убегающих вниз по лестнице от квартиры Вайнера.

По ее белому лицу струились тени от стекающих на окне капель дождя. Вечерело, и сизый свет улицы делал овал лица Катрины словно бы нежно выточенным изо льда.

Послышался заботливый голос Виктора:

– Катрина, Зану нужно всегда быть уверенным в завтрашнем дне, а путь к этому лежит через тебя. Если откровенно сказать, я думаю, поручая тебе это задание, в спешке он попросту забыл упомянуть о деталях.

По ее взгляду, Виктор понял, что его неаккуратная попытка найти добродушное объяснение осталась неоцененной.

– Всё нормально, Виктор. Это мое упущение. Ситуацию можно было предугадать, ведь я всегда – крайняя мера.

– Ты упоминала о человеке, который может знать число Вайнера, верно?

– Да. С большим трудом мне удалось выйти на него. Я не знаю точно, известно ли ему, где Вайнер спрятал свое открытие, но он единственная и последняя связь, которую удалось провести между Вайнером и живыми людьми. Несколько ночей я слежу за ним, но пока ничего представляющего для меня интерес не произошло. Положительно, при любом развитии событий что-то мне определенно удастся узнать. Те, кто убил Вайнера рано или поздно выйдут на этого человека, а уж они-то определенно знают нечто, что способно приблизить меня к завершению поисков. И кроме того, неизвестно сколько времени они говорили с самим профессором, до того как убили.

Виктор с любопытством слушал Катрину, а когда она закончила, кивнул и встал с козетки.

– Темнеет, – с торжеством в голосе заметил хозяин дома.

Катрина подняла глаза в бескрайнее пасмурное небо, простирающее над особняком сумрачно-серые громады туч. Виктор подошел, опустил свое лицо в черную копну ее волос и поцеловал брюнетку в макушку.

– Ты для меня как дочь, и я верю в тебя, – сказал он и направился к двери. – Скоро вечерний ужин, ты окажешь честь присоединиться к нам?

– Нет, меня ждет мое поручение. Возможно, в другой раз.

Виктор открыл дверь и задержался в проеме. Он мельком взглянул на Катрину, по-прежнему сидевшую на подоконнике, но ничего не произнес и собирался уже выйти, когда услышал ее тихий голос.

– Вайнера должна была убить я. Зан велел сделать это, после того, как я узнаю информацию, – сказала Катрина.

Глаза хозяина дома заинтригованно блеснули в темноте коридора. Он молчал, оставаясь на пороге сырого сумрака комнаты и тьмы коридора. Прошло какое-то время, прежде чем он заговорил.

– Жаль, что его жизнь забрала не ты, – тихо произнес Виктор из темноты, его голос теперь отличался вкрадчивым холодом, с таким же вкрадчивым холодом хищный зверь смотрит на жертву. – Так устроен мир. В этом не было бы ничего естественного. Так устроены *мы*.

– Разве мы другие?

– Они другие, – медленно проговорил Виктор и скрылся за дверным проемом.

Дверь за ним захлопнулась, и Катрина осталась в безмолвной тишине, одна в комнате. Она повернула голову к окну, за которым в стекло продолжал барабанить дождь, где волнами проносились порывы ветра, испещряя блестящими полосами шипящую поверхность луж, и где становилось все темнее с каждой минутой.

Близилась ночь.

По окну струились ручейки дождевой воды, падая тенью на лицо Катрины. Казалось, что текут призрачные слезы по белоснежным щекам брюнетки.

Большой гостиный зал был настолько мрачно величественен, что не сразу можно было заметить три призрачные фигуры, расположившиеся в глубоких креслах у стены. Пустынную анфиладу комнат пересекали глубокие тени, и если за окнами еще догорала пасмурная синева, то в доме уже царилась ночь. Здесь свет, падающий от окон, нещадно вытеснялся тьмой. Над черным зеркалом полированного дубового пола разносилось эхо рвущейся в дом стихии, и только сквозь отзвуки нескончаемого множества ударов капель шелестели голоса говоривших. Когда же от украшенного старой лепниной потолка донеслись гулкие ритмично-равномерные шаги военных ботинок на втором этаже, говорившие тут же смолкли, и все посмотрели в сторону лестницы.

– Когда же она закончит со своими делами! Ее присутствие мешает подготовке к Поминальному Балю, – утомленно выдохнула рыжеволосая девушка, наблюдавшую через анфиладу комнат за пустым холлом.

– Думаете, она еще надолго задержится? – иронизируя, подлил масла в огонь молодой мужчина с длинным лицом. Он явно не разделял настроений рыжеволосой девушки. – Вы заметили, как она молчалива в этот раз? Не стану вас обманывать, мне думается, это не от благоприятного течения дел в их семье.

– О чем это ты? Раздор в их доме никогда не выходит настолько далеко, чтобы об этом догадывался кто-то посторонний. Между прочим, Норберт, всю жизнь пока мы шумно отдаем праздности, наша гостья способствует поддержанию стабильности существования наших семей.

Длинное лицо первого расслабленно подперла худосочная рука.

– Ну разумеется, Роберт, – ответил он, и его прилизанные черные волосы колыхнулись в такт его словам. – И к слову сказать, чтобы ни у кого из присутствующих не создалось неверного впечатления о моем отношении к приезду нашей гостьи, ее присутствие всегда вселяет в меня чувство безопасности.

– Безопасности иногда бывает слишком много, – сухо откликнулась рыжеволосая девушка. Изящный разрез ее черных глаз презрительно прищурился. – Нам в этот раз прямо-таки выпала какая-то особая честь. В любом случае Катрина будет еще и на Поминальном Балю. Конечно, если не случится ничего дурного.

Роберт и Норберт коротко переглянулись, и на лице последнего скользнула ухмылка.

Теперь густые ресницы Инги распахнулись в ожидании, когда в далеком холле появится та, чьи шаги по лестнице плавно разлились новым эхом. Мужчины не обратили бы внимания на появившуюся в конце анфилады комнат брюнетку в приталенном кожаном плаще так быстро, если бы не насторожено напрягшееся при виде Катрины тело Инги. Старшая дочь Вормана отреагировала на появление гостьи как на грабителя, похищающего отцовское внимание.

Движущиеся через холл к выходу Катрина и Виктор возможно даже и не замечали, что в гостевом зале кто-то находился. Хозяин дома догонял гостью:

– Позволь тебя проводить. Ты на автомобиле?

– Да, его должны подать к шести часам. Виктор, я обдумала твоё предложение, ты действительно можешь мне помочь.

– Почту за честь.

– Мне будет полезно знать, кто еще мог всерьез заинтересоваться открытием Вайнера. Это твой город, ты в курсе многих событий, знаешь нужных людей, они знают ценные сведения. Те, кто меня интересуется, скорее всего, приехали в город не раньше, чем за неделю до меня.

– Надеюсь, ты не думаешь, что это кто-то из нас? Главы семей достаточно благоразумны, чтобы действовать открыто и честно не только под страхом трибунала, а руководствуясь уважением к остальным. Их посланники не стали бы убегать от тебя.

– Нисколько. Это чужие. Их движения носили черты ратной выучки. Возможно бывшие сотрудники спецслужб. Они могут исполнять волю сил, чье вмешательство для нас существенно. И еще, Виктор, – медленно проговорила Катрина, остановившись в тени тяжелой парадной двери, из-под которой проникал свежий воздух и шум дождя. – Никто за пределами твоего дома не должен знать, что мое прибытие связано с делами. Потому прошу пока не придавать огласке мой визит.

– Можешь не беспокоиться об этом, – кивнул Ворман. – А как только мне удастся что-нибудь выяснить, я дам тебе знать.

– Благодарю, – Катрина, открыла дверь, за которой вниз по ступеням ее ожидал черный Форд-Мустанг 67 года.

Вместе с ветром в холл ворвался тусклый свет сумерек и запах намоченной дождем земли. Не оборачиваясь, чтобы попрощаться с Виктором, и никак не реагируя на пронизывающий холод и дождь, Катрина спустилась к автомобилю и скрылась в его салоне. Послышался мощный рев мотора, машина быстро тронулась с места, обогнула каменную скульптуру длинноволосой девушки тянущейся к небу и понеслась прочь.

Виктор еще какое-то время стоял на улице, глядя вслед уносящейся машине, а затем вернулся в дом. Дверь за скрывшимся в темноте Ворманом закрылась.

Пустая дорога стремилась впереди среди лесного частогокола. Катрина держала руль одной рукой, другой набрала по сотовому номер отца, лишь изредка поглядывая на дорогу сквозь залитое дождем лобовое стекло. Где-то в окрестностях Белграда, на том конце линии, раздавались гудки, которые следом прервал низкий твердый голос Зана.

– Есть ли успехи? – спросил он, отбросив ненужное приветствие

– Я подобралась достаточно близко к достижению цели, – сообщила Катрина. – Мне удалось выяснить многое вместе с тем, о чем мог бы известить меня ты, посылая с поручением.

– Тебе должно было привезти информацию, остальное мои заботы.

– Я должна была знать, насколько открытие важно для нас. Существует помеха, которую я могла бы предвидеть, ведая все, что знаешь ты...

– Это пустое. Что тебе рассказали в университете Вайнера? – прервал ее Зан.

– Я общалась с ректором университета, узнавала, кто продолжит исследования Вайнера, кто еще работал с ним, состоял ли он в контакте с кем-нибудь из студентов, с кем из преподавателей дружил. Расспрашивала лаборантов. Никаких результатов. Вайнер сторонился контактов и старался дистанцировать других ученых от своих исследований. При проверке эта информация сомнений не вызвала. Ни одна живая душа в университете мне не солгала. В этом нет сомнений. Это простые люди, не привыкшие к тайнам. Все нити обрываются. Рабочий жесткий диск, которым профессор пользовался на кафедре, уничтожен. Скорее всего, самим Вайнером. Для университета это стало большим потрясением. Старик будто бы знал, что за его знаниями придут. Возможно, тайна открытия Вайнера умерла вместе с ним.

В трубке на мгновение застыло ледяное молчание.

– Воздержись от поспешных выводов, пока лично во всем не убедишься. Разуши число раньше других, и будь осторожна, доставка информации может обернуться крайне рискованным предприятием на обратном пути. Тебя могут настигнуть в дороге. Мне не составит труда прислать сколь угодно много наших подданных для охраны, если ты попросишь.

– Не попрошу. Должна озвучить свое отношение к подобным мерам, отец: чем больше вокруг меня будет толпиться охраны, тем заметнее я буду, – предостерегла Катрина с расчетливым спокойствием.

– Это благоразумный вывод, – поощрительно отозвался Зан и какое-то время раздумывал, прежде чем продолжить. – Вследствие создавшихся обстоятельств, мне придется возложить на тебя долг, который полагалось исполнить мне самому, если бы ты привезла мне открытие Вайнера. Но если представится случай, воспользоваться возможностями этих зна-

ний достанется тебе. Незамедлительно, как найдешь, и как разберешься, каким образом возможно осуществить то, чего все мы так жаждем, – его решительный голос пронизали ноты томительного ожидания долгожданного триумфа. – Как ты сама поняла, речь идет о *втором пути*. Это ответственная ноша, Катрина.

Она прекрасно понимала, о чем речь. И новое поручение, представляющее непомерную значимость, ознаменовало для Катрины череду сомнений и противоречий, бурей пронесшихся в ее сознании и столь же стремительно ушедших, как и появившихся.

Словно почувствовав колебания дочери, пусть и мимолетные, из трубки послышалось:

– Ты готова взять на себя такую ответственность?

Но сомнения покинули девушку и больше не возвращались. Она отозвалась сразу.

– Безусловно.

– Отрадно это слышать! Итак, если по университету нет результатов, в каком направлении развиваются твои поиски?

– Существует некая цепочка связей. Люди, наиболее вероятно обладавшие информацией интересующей нас. Однако они либо волей постороннего вмешательства уже мертвы, верно, вследствие пыток, применявшихся к ним, либо оказались бесполезными для меня. В любом случае прямых источников кроме Вайнера никогда не было. Все сводится к человеку, у которого число могло оказаться случайно, через другого, кто непосредственно общался с Вайнером о его открытии незадолго до смерти профессора.

– Я рад. Кто он? – требовательно произнес Зан.

– Обычный человек. Последний, кто может знать, где спрятано открытие. Если он окажется бесполезен, придется начинать заново и искать альтернативные пути.

– Хорошо, – голос Зана стал теплым по-отечески, но совсем ненадолго. – На карту поставлено слишком многое. Мы непомерно долго к этому шли. Не упusti наш шанс. И разберись с создавшимися помехами, кто бы за этим ни стоял. Мне пора. Сообщай все известия, которые будут появляться, и будь осторожна. Люблю тебя, ангел.

Зан всегда так называл Катрину в ее детстве. Катрина, ничего не ответив, отключила телефон и швырнула обратно.

Властолюбивый и деспотичный Зан слишком часто был суров, а порой и жесток к ней, чтобы слова любви казались привычными. И когда они все же звучали, одна часть Катрины где-то в глубине хваталась за теплоту отцовской любви, другая же часть девушки воспринимала их чуть ли не как лицемерную неспособность Зана признать свое безразличие к дочери.

В водовороте мыслей родился гнев. Разговор получился совсем не таким, как ей бы хотелось. Зан не дал ей возможности высказать все, что она хотела, и ему сошло с рук то, что он поставил в опасную ситуацию свою дочь, не предупредив об угрозе, таящейся за важностью своего поручения. Однако так и не произнесенные слова Катрины оказались бы слишком дерзкими. Для них можно будет подобрать более подходящий момент.

Где-то вдалеке темными фигурами на фоне чернильно-серого ночного неба появлялись очертания городских домов. Элеанор понеслась по шоссе еще быстрее, оставив в воздухе за собой лишь взвесь капель, вылетающих из-под колес.

В городе дождь стал стихать. Но по небу часто пробегали ветвистые ручейки яркой молнии, над улицами взрывался гром, предвещая очень бурную и холодную ночь. Катрина чувствовала надвигающиеся волнения на водной глади скорого будущего.

Она направлялась к центру города. Тот, кто был нужен ей, скорее всего, находился в квартире одного из старых домов в центральном районе города. Единственный вопрос, доберется ли она до него первой или, как это случилось с Вайнером и журналистом журнала «Интересная жизнь», вновь опоздает.

Ее рука протянулась над рулем за сотовым. Она набрала другой номер телефона и теперь ждала, когда на том конце снимут трубку.

– Здраво, Милорош! – по-сербски приветствовала Катрина ответившего. – Найди для меня кое-какую информацию.

Глава 6. Холодная ночь и ледяная кровь

По сей день меня не покидает чувство, что я поступил неправильно. Но так уж я поступил.¹

Г. А. Бете

Стромнилов задернул шторы. Ленский говорил совершенно серьезно. В его глазах застыло пугающее спокойствие. Я сухо сглотнул слюну, продолжая упорно выдерживать его взгляд. Воцарившийся полумрак подчеркивал презрительные морщины в уголках рта Ленского. Он улыбнулся, обнажив мелкие зубы.

– Думаю, вы поняли меня правильно, господин Меерсон, – тихо и спокойно произнес он. – Я повторю вопрос, а вы хорошенько подумайте, прежде чем отвечать, потому что это ваш последний шанс.

– Я могу вас опознать, я знаю ваши фамилии и ваши звания.

– Да, вы знаете наши фамилии и звания, но я не сказал, что вы можете поверить во все это дерьмо, господин Меерсон, – тут же отозвался Ленский. – В ваших интересах помочь нам. Потому что в наших руках ваша скорбная жизнь. Я не хочу вас убивать, это не является нашим приоритетом, но мой друг сделает это.

Стромнилов медленно достал из кармана своего плаща какой-то предмет. Я не разглядел, что это. При закрытых шторах в комнате стало темно. Стромнилов сжал его в грузной руке и больше ничего не делал, просто застыл, как большая тень, всем своим вниманием обращенный в тот момент, когда Ленский замолчит и, наконец, подпустит его ко мне.

– Итак, – сказал Ленский, – что Вольский рассказал вам о том, что называют числом начала?

Он ничего мне не рассказывал, но ты в это не хочешь верить.

В моей голове лихорадочно закрутились идеи, как выбраться из этого безумного положения. Нерабочие идеи. Я не верил, что кулаками смогу отбиться от них или пробить дорогу к выходу. У меня не было навыка в драках. Каждая минута приближала взрыв нарастающего предельного напряжения. Они действительно попытаются убить меня. Ведь не имея понятия, что именно здесь происходит, я подписывал себе смертный приговор.

Кто они такие?

– Число начала, – повторил я.

Ленский кивнул.

– Правильно, господин Меерсон. Где он? Что вам о нем известно?

Я быстро облизал языком высохшие губы.

– Что известно?

Тот кивнул снова.

– Я ничего не слышал от Вольского ни о каком числе. Честное слово. Он ничего не говорил! У меня нет причин лгать! – я судорожно стиснул зубы.

– Тогда не лгите! Вы думаете, что сможете теперь самостоятельно решить свои проблемы. Купить себе гражданство какого-нибудь маленького островного государства и больше не вспоминать о том, что украли. Но на самом деле всё закончится здесь. Вы бы не смогли воспользоваться такой вещью. Куда вам идти с ним? Представьте, сколько вопросов и внимания вы привлечете к себе, не обладая нужными связями и опытом.

¹ Ганс Альбрехт Бете – американский физик-теоретик, родом из Германии, лауреат Нобелевской премии 1967 года за исследования в астрофизике. После уничтожения Хиросимы и Нагасаки был в числе тех, кто признавал свою ответственность за катастрофу.

– Вы ошиблись! Я вообще не понимаю, о чем вы говорите и о чем меня спрашиваете. Я даже не могу представить, что могло привести вас ко мне! Мне плевать на ваши дела, сейчас же убирайтесь отсюда!

– Вы будете жить, Меерсон, – сказал Ленский, отошел от меня и отвернулся, со стуком поводит пальцем по стопке CD на полке мебельной стенки, достал один из дисков и включил музыкальный центр. Стромнилов, наклонив голову, наблюдал за ним. Пока диск считывался, Ленский взял пульт и повернулся ко мне. – Вы будете жить ближайшие десять – пятнадцать минут, хоть это и не в наших правилах. Но уверяю вас, этих минут вам хватит для того, чтобы успеть рассказать нам все, что нас интересует и, заодно, переменить свое отношение к смерти. Смерть для вас станет не тупиком, а выходом.

Я вскочил на ноги и бросился к двери. Ленский, успев включить музыку на всю громкость, поспешил за мной. По ушам ударили басистые раскаты электрогитар группы HIM.

Я сделал пару шагов по коридору, когда раздался оглушительный грохот и звон. Боль в голове пронзила насквозь. Пол под ногами покачнулся. Я увидел, как справа и слева заблестели в воздухе осколки вазы. Ноги заплелись. Я повалился на пол. Не сумев предотвратить удара, стукнулся виском об пол. Низкий голос Вилле Вало, вся музыка, все шумы и голоса капитанов утонули в громком месиве звуков и заглохли, словно я нырнул под воду.

Я не мог подняться в следующие размазавшиеся в сознании мгновения. Ощущения собственного тела оказались недостаточно, чтобы руки и ноги начали слушаться мозга.

Кто-то, держа за плечи небрежной хваткой, поднял меня на ноги. Он пихнул меня на стену. Из темноты коридора надвинулось грубое лицо мясника. Стромнилова. Тяжелыми лапами он схватил меня за голову и повертел, разглядывая глаза.

– Очнулся.

Ленский шагнул ко мне и, придерживав одной рукой, другой дал под дых. Легкие сперло, внутренности утонули в жмущей боли. К горлу подступила тошнота. Я не смог вдохнуть и оставалось только выдыхать. Ленский трепанул меня и с силой пихнул на стену. От столкновения дрожь пробежала по всей грудной клетке. Ватные ноги подкосились. Я сполз по стене на пол.

Стромнилов постучал по плечу Ленского. Тот повернулся, и Стромнилов сделал быстрое движение рукой. Ленский кивнул. Гитара протянула печальный аккорд из колонок музыкального центра, и это грустное звучание сплелось с мыслью, которая вдруг окатила меня, когда я разглядел блеснувший в руке Стромнилова нож. Довольно крупный чтобы не только изрезать внутренности, но и сломать ребра.

Ленский, не оглядываясь, ушел в зал. Стромнилов подхватил меня и рывком поволок в сторону ванной. Он тащил меня быстро и уверенно, держа одной рукой, словно мешок. Я не мог сопротивляться, не мог дотянуться до него, но бил об пол ногами, пытаюсь подняться. Стромнилов оторвал меня от земли и впихнул в чернеющий дверной проем ванной комнаты, закрыв собой выход.

Музыка стала чуть тише.

Толстые грубые пальцы схватили меня за шею. Стромнилов почти свалил меня в ванную и размахнулся ножом:

– ГДЕ ОН СПРЯТАН?! – рявкнул Стромнилов. Вены на его крупной шее вздулись от бешенства.

Смысл его слов не сразу дошел до меня сквозь боль в голове.

– Не знаю! Я ничего не знаю! – прохрипел я. – Зачем вы это делаете?

Рука, держащая нож сорвалась в мою сторону. Я оттолкнул Стромнилова ногой на противоположную стену коридора, едва не свалившись в ванную. Подскочил к нему и что было сил, с размаху двинул кулаком в лицо, затем дверью грохнул об его череп, сдавив в тисках дверного проема. Пока Стромнилов оправлялся после удара, я бросился в коридор, на меня налетел Ленский, схватил за куртку и швырнул на противоположную стену.

Я отлетел на стену и повалился возле тумбы для обуви, схватил оттуда свой зимний ботинок и с размаху бросил его в Ленского. Тяжелый ботинок угодил тому прямо в висок. Ленский яростно скривился, зажал начавшее багроветь ухо, упорно мчась на меня. Он сунул руку под пиджак. Я заторопился подняться, предчувствуя, что то, что достанет Ленский, окажется куда опаснее обычного зимнего ботинка.

Спешно поднялся, опрокинул тумбу с обувью, преграждая Ленскому путь, оглянулся на смутно различимый среди громкой музыки голос Стромнилова:

– Он не должен уйти! – кричал он. – СЛЫШИШЬ?

В это время Ленский уже целился в меня пистолетом с надетым глушителем.

Не дожидаясь выстрела, я пригнулся. Над головой что-то хлопнуло, и на меня посыпались опилки от наличника входной двери. На глаза попала валявшаяся у входа сумка с вещами, я схватил ее, надеясь, что хоть как-то смогу прикрыться ею от стрельбы, дернул на себя дверь в подъезд.

Очередная пуля попала прямо в дверной замок, просвистев совсем близко от моего лица. На согнутых ногах, скрючившись, я выскочил в коридор подъезда и с силой захлопнул дверь. В эту минуту сердце замерло. Грудь сдавила пустота. В дверь с внутренней стороны врезалась еще одна пуля – раздался характерный деревянный треск и вспух след от мгновенного удара.

Не медля ни секунды, я бегом кинулся к лифту. Коридор пятого этажа был слишком длинным. Впереди, в его конце, на фоне вечернего окна в решетчатой шахте лифта вверх плыли тросы. Лифт поднимался. Мне придется бежать по лестнице. Может быть, так даже лучше. Мне вовсе не хотелось лезть в замкнутое пространство, где негде спрятаться, я ничего не смогу сделать, и некуда будет бежать.

Тросы неожиданно замерли – лифт остановился на этом этаже. Двери разъехались в стороны. Я затормозил, проехав на подошве по полу, и растерянно уставился на вход в лифт. В маленькой тускло освещенной кабинке лифта стояла черноволосая девушка в расстегнутом кожаном плаще. Она смотрела вниз, на поблескивающий в ее белой руке пистолет-пулемет ПП-93, который только что сняла с ремня на поясе. Она собиралась уже выйти из лифта, когда подняла на меня глаза и остановилась, узнав меня одновременно со мной.

Девушка из бара.

На мгновение я подумал, что она тотчас же меня убьет, но она замешкала. Это было видно по выражению ее пронизывающих глаз. Выходит, брюнетка заодно с людьми в той квартире, которые назвались капитанами полиции. Но от нее исходила куда более реальная угроза. Неужели она пустит огневую очередь мне в лоб или не решится сделать это, встретившись глазами со своей жертвой?

Секунду мы стояли и смотрели друг на друга. Я – растерянно, безвольно ожидая ее дальнейших действий, а она – напряженно и с каждым мгновением все жестче.

– Прошу... – отчаянно прошептал я, видя, что ее рука, в которой был пистолет-пулемет, дрогнула.

Дверь в квартиру Марины позади меня распахнулась, и музыка глухим эхом заполнила подъезд. Зная, что Ленский сейчас выскочит и вновь будет стрелять, я, не оборачиваясь, пригнулся и бросился вправо. Тут же разразились выстрелы. Я стремительно врезался плечом в стену, съехал вниз, согнувшись как можно ниже. Перекинув полупустую сумку через плечо и закрыв голову руками, я стал красться к лестнице.

Ленский бросился вдогонку и стрелял.

Но не в меня! Я поднял глаза на девушку, она вскинула руку и в ответ открыла по нему огонь из пистолета-пулемета, не сдвигаясь с места, словно ей все равно, заденет ее пуля или нет. Вспышки раскаленного газа от выстрелов огнем отразились в ее глазах.

Я понял, что это мой шанс сбежать. Обернулся назад. За Ленским взрывались струйки пыли и камней, вылетающих из стен. Он точно навел ствол с глушителем на брюнетку, резко осел на колено и сделал выстрел.

– АГХ! – вырвался стон.

Секундная пауза. Затем снова раздался отбойный грохот выстрелов ПП-93. Теперь короткий. И всё смолкло.

По черной коже плаща из плеча брюнетки хлынула темная струйка крови. Но она пострадала намного меньше моего преследователя.

Тело Ленского лежало на усыпанном камнями полу в стремительно расползающейся вязкой луже крови, а вместо головы остался отвратительный разможенный кусок черепа. Лицо его раздробила плотно уложенная по вертикали очередь девятимиллиметровых пуль. Я с отвращением отвернулся, уткнул голову в стену и подавил рвотный позыв. Глубоко задышал. Внезапно вспомнил, что есть и еще один. Стромнилов.

Открыл глаза. Что-то блеснуло рядом со мной. Я тут же отшатнулся. Совсем близко возле моей головы застыл раскаленный ствол в увесистом прямоугольном коробе оружия. Вжавшись спиной в стену, я посмотрел на девушку.

– С ним был еще кто-то? – требовательно спросила она, протянув руку и указав в сторону мертвого тела Ленского.

– Ты ранена, – глухо проговорил я, не в силах воспринять ее вопрос. – Ты ранена...

– Ясно, – сухо сказала брюнетка, обращаясь, скорее, к себе, отвернулась и предусмотрительно нацелила пистолет-пулемет на открытую дверь 67 квартиры.

Она медленно зашагала, ставя одну ногу перед другой. Переступила через лужу крови возле мертвого Ленского, подошла близко к стене со входом. Под ее ногами тихо похрустывали осколки стены и костей черепа Ленского.

Я видел, как плавно и грациозно движется брюнетка, не ведавшая ни того отвращения, ни той паники, которые испытывал я. В ней таилось что-то заметно отличавшееся от головорезов, Стромнилова и Ленского. Она была совсем как в том моем сне и в любой момент, казалось, могла обратиться ужасным шакалом.

Брюнетка подошла к открытой двери Марининой квартиры, но не заглянула внутрь. Она оглянулась на меня. Я по-прежнему сидел, поджавшись у стены, пытаюсь не замечать Ленского. Его бездвижное, нелепо развалившееся посреди подъезда тело.

Только сейчас я осознал, что музыка в квартире Марины выключилась, и нас окружала звенящая после выстрелов тишина.

– ...мы провалились, свидетель ушел, – звучал торопливый рапортующий голос Стромнилова в глубине квартиры, – Один из нас убит. Помеха не устранена. Я не понимаю, кто она! Какой-то наемник. Но она всё еще жива...

Девушка сделала шаг с разворотом, отчего взмыли в воздух полы ее плаща, и присела на одно колено, над ее головой просвистели стрелы пуль и, врезавшись в противоположную стену, выплеснули струйки пыли. Брюнетка коротко выстрелила внутрь квартиры, и Стромнилов сдавленно простонал. Девушка зашла в квартиру. Послышалась приглушенная возня, шорох, прерывистые гортанные звуки. Раздался контрольный выстрел. Тишина.

Вскоре она вышла и решительным шагом направилась ко мне. В ее руке по-прежнему чернел увесистый прямоугольный пистолет-пулемет. Я засуетился, поднимаясь на ноги. Невольно взглянул на мертвого Ленского и со страхом перевел взгляд на приближающуюся девушку, которая строго взирала на меня.

– Пойдем со мной, – велела брюнетка, – близится их подкрепление. Не отставай!

Она убрала оружие. Скользнула мимо меня и быстро побежала по ступенькам вниз. Я поправил сумку и двинулся за ней. Беззвучно девушка спускалась все быстрее, словно желая

известии остаток моих сил. Вскоре ее темная фигура скрылась из виду, остались лишь хлопки пол ее плаща, напоминающие трепетание крыльев стаи ворон.

Мы спустились на первый этаж, она выскочила под дождь, в небе крестом вспыхнула молния. Девушка шла быстро и легко, почти так же, как бежала по лестнице. Она не оборачивалась посмотреть, следуя ли я за ней. Подошла к черной машине, мерцающей под дождем и отражающей беспокойное небо.

– Полезай внутрь.

Я оббежал автомобиль и сел на переднее сиденье, хлопнул дверью, и шипящий громкий звук дождя заглох. Салон был выполнен из кожи и металла. Прямые линии. Ребристые сиденья с хромированными контурами. На верхней части приборной панели, возле лобового стекла, лежал дорогой сотовый, его владелица повернула ко мне голову, предупреждающе посмотрела на меня, давая понять, что я нахожусь на ее территории, и завела машину.

Мы резко тронулись.

Я закинул сумку на заднее сиденье. Собираясь с мыслями для расспросов, молчал, неосознанно дергая ногой и часто оборачиваясь, чтобы убедиться, что нас не преследуют. Повернулся к ней, хотел спросить, но передумал и сел ровно.

– Перестань! – негромко прошипела она, бросив взгляд в мою сторону. – Твоя суета меня раздражает!

– Что происходит? – спросил я. – Кто ты? Кто эти люди, которые назвались капитанами полиции? Зачем они пытались меня убить?

– Они назвались капитанами полиции?

– Да. Что это все значит?

– Ты рассказал им, где число? – твердо спросила она.

В этих словах прозвучала угроза.

– Нет, – поспешно заверил я.

– Впрочем, теперь это не важно. Расскажи все мне.

– О чем? О числе? Да что это за число? Я не знаю ничего об этом! Я никогда не слышал об этом вашем гребанном числе, ясно? Черт! Неужели это на самом деле со мной происходит!

– Возьми себя в руки! – приказала она.

Адреналин стучал в моих венах, требуя выхода.

– Нет уж! – рассердился я. – Сначала ты ответишь на все мои вопросы. Я не собираюсь молчать. Меня чуть не убили! Весь подъезд разнесен на куски. Они теперь мертвы, там полно крови! Мать твою... Ты ранена! Что происходит? Кто они? Кто ты?

Она не ответила. Лишь молча на меня посмотрела. В глазах читалось презрение.

– Я имею право знать, за что меня хотели убить! – проговорил я и почувствовал, насколько ужасно и дико звучат эти слова.

Брюнетка долго не отвлекалась от дороги, потом бросила на меня безразличный взор и отвернула голову вновь.

– Тебе есть, где спрятаться? – спросила она.

– Да...

– В квартире в доме возле госпиталя?

– Откуда ты знаешь?

Девушка не ответила.

– Ты за мной следила? Все это время, от самого бара? – я надеялся, что хоть на один вопрос она ответит.

Меня всерьез беспокоило то, что каждый мой вопрос игнорируется и остается без ответа. Но она словно не слышала меня. Мои слова были просто звуком для нее.

– Что в сумке?

– Мои вещи. Слушай, ты ранена... нужно...

– Это ничего. Они спрашивали только об открытии?

– Да. Что это за открытие?

– Мне думалось, ты уже понял, что знать о нем опасно для жизни, – в ее словах послышалась насмешка.

– Я понял, что не имеет большого значения, что я знаю или не знаю. Все равно попытаются грохнуть.

Было ясно, девушка за рулем не ответит ни на один мой вопрос. Она спокойно и уверенно вела машину, поглядывая в зеркала заднего вида, между тем кровь из ее плеча не замедляла течение. Видимо, она заметила это и вжала педаль газа в пол. Ее глаза опустились на красную кнопку на верхушке рычага передач. Судя по всему, если нажать на эту кнопку, машина понесется как ракета.

– Я слышал, как Стромнилов сказал по телефону, что ты наемник, – сказал я, почему-то решив, что она объяснит мне хоть что-то.

– Кто сказал? – нахмурившись, переспросила она.

– Тот второй, который прятался в квартире, – пояснил я. – Он говорил про тебя. Ты наемный убийца?

– К чему эти расспросы?

– Ты следила за мной... для того, чтобы убить?

– Не совсем так.

– А как еще? Ты киллер! И ты следила за мной! Черт! А теперь я с тобой в одной машине! – я замолчал, испугавшись своих предположений. Потом неожиданно для самого себя проронил: – Останови машину. Я не хочу с тобой ехать. Останови!

– Отчего же? – фыркнула она. – Не тешь себя пустыми надеждами.

– Мы едем в мою квартиру?

– Верно.

– Зачем?

– Потому, что они нашли тебя в квартире твоей подруги, а не в твоей собственной.

– Откуда ты знаешь, чья то была квартира?

Она коротко посмотрела на меня, и я было подумал, что ответа опять не дождусь, но она ответила:

– Я довольно времени наблюдала за тобой.

– Когда ты начала за мной следить? Вчера? Неделю назад? Когда?

Она резко схватила меня окровавленной рукой и притянула к себе. Машина при этом ехала так же плавно и ровно, и ничуть не вильнув.

– Ты задаешь слишком много вопросов! Имей благодарность, что ты все еще жив! – прорычала она, с ненавистью глядя мне в лицо. – Ты не обладаешь правом вякать! Ты никто! Успокойся и заткнись! Я должна подумать. Я знаю не многим более твоего. Сядь и затихни, пока я не вышибла тебе мозги! – она швырнула меня обратно.

Я ударился затылком о стекло бокового окна. На моей руке оказалась кровь девушки. Я случайно коснулся ее раны, когда она подтащила меня к себе. Совершенно ледяная кровь.

Взгляд мой застыл на руке, на которой блестели черные разводы ее крови. Перед глазами возник образ мертвого Ленского, лежащего в луже собственной крови с разнесенной вдребезги головой. Представил, что все могло выйти иначе, что в луже крови сейчас мог лежать я. Меня пробил противная крупная дрожь.

А что подумает Тим, когда вернется в квартиру Марины и увидит все эти трупы?

– Нужно вернуться. Разверни машину, – попросил я негромко, на что девушка посмотрела на меня, словно убедившись, что глядит на идиота. – Ты сказала, что скоро в квартиру нагрянет подкрепление Стромнилова и Ленского, да? Там они обнаружат трупы своих людей.

Так вот, сейчас туда приедет мой друг. Что они с ним сделают, если посчитают, что он к этому причастен? Я должен вернуться, он в опасности.

– Нет.

– Почему? Думаешь, из-за стрельбы уже приехала полиция? И эти преступники не сунутся, увидев у подъезда полицейских?

– Это не преступники. Будет там полиция или нет, им все равно.

– Почему? Кто они такие?

– Если туда приехал твой друг, ему или ничего не угрожает, или он уже мертв, – бесстрастно констатировала девушка.

– Как ты можешь говорить так спокойно, когда на кону человеческая жизнь! Мы его предупредим! – я перевел взгляд на ее сотовый, лежащий возле лобового стекла.

– Даже не думай! – резко предупредила она, отследив мой взгляд. – Номер высветится на дисплее телефона твоего друга, который, скорее всего уже попал в их руки. Таким образом, они узнают номер телефона. Это небезопасно и бессмысленно. Ведь их задача найти и устранить помеху. Меня. И так добраться до тебя. Нельзя обнаруживать себя, помогая им вычислить нас. Ты уяснил? – ее глаза грозно сверкнули, я кивнул. – Рыпнешься, убью. Ты понял? – я кивнул в ответ. – НЕ СЛЫШУ?!!

– Да! Я все понял! Только ключи от моей квартиры У МОЕГО ДРУГА! ЯСНО?!

– Не проблема, – с недоверием ответила она. – Мы попадем в твою квартиру и без ключа.

Несколько минут мы ехали в тишине, которую изредка нарушали всплески грома.

– Почему ключи от твоей квартиры у твоего друга? – спросила девушка, повернув ко мне голову и пристально посмотрев на меня.

– Я отправил его отвезти мои вещи из квартиры моей невесты, – я отвернулся к окну. Я никак не мог поверить, что все случившееся – реальность. У меня был шок. Судьба Тима теперь являла собой лишь неизвестность, и меня все больше окутывал страх. Я не имею возможности даже позвонить, сделать всего лишь один звонок, и предупредить его об опасности. Если я не позвоню, последствия будут на моей совести.

Я вытер окровавленную руку о джинсы и полез во внутренний карман куртки за сотовым.

– Что ты делаешь? – пока еще спокойным тоном спросила брюнетка, хотя и понимала, что ситуация выходит за рамки ее правил.

Я не отвечал.

– Положи свой телефон обратно, не то я тотчас же отниму твою жизнь. С этого момента ты делаешь только то, что я разрешу, – чеканно произнесла она, – Понял? Скажешь что-то не так, я вырву тебе глотку. Ослушается, я выстрелю без предупреждения. Совершишь, я выпущу тебе всю кровь и посмотрю, как ты будешь биться в агонии. Думаешь, мне сложно? – холодно спросила она. – Думаешь, я ценю жизни Божьих тварей?

Я упорно обманывался, ища причину не верить ее словам, думая только о телефоне в моей руке и жизни Тима. Потом ее слова начали вонзаться в мое сознание, и теперь уже не было воли не слышать их. Я точно осознавал, что она без колебаний сделает со мной то же, что запросто сделала с опасными головорезами Стромниловым и Ленским.

Она это сделает.

Я кивнул.

– Думаю, нет.

– Хорошо, – сухо сказала брюнетка.

Я устало отвернулся к окну. С правой стороны улицы за деревьями показалось белое кирпичное здание госпиталя. Мы почти приехали. И меня ждал ответ на вопрос, который мучил меня с самого ее появления в том подъезде: что будет дальше?

Машина остановилась возле моего дома. Девушка заглушила мотор и повернулась ко мне.

– Ну, пойдём, покажешь мне свою скромную обитель, – сказала она хищно, отчего мне стало не по себе. Неужели мой сон повторится наяву?

Глава 7. Так далеко от жизни

*Женщина – единственный сосуд, который нам остается
наполнять нашей тоской по идеалу*
Иоганн Вольфганг Гёте

Она легким движением ноги выбила дверь в мою квартиру. Дверь чудом удержалась на петлях, а замок вместе с щепками и обломками дверной рамы с шумом упал на пол. Брюнетка забросила в квартиру свою сумку из багажника Мустанга, в которой, судя по грохоту с которым та упала, лежало оружие.

– Ты выбила мою дверь!

– Верно. Ты позволишь? – учтиво спросила она.

Девушка шагнула в разбитый проем и осмотрелась в квартире.

Я попытался закрыть дверь, но она все время открывалась, и мне пришлось закрыть ее на цепочку. Отстав от наличника на несколько сантиметров, дверь больше не открывалась. Я кинул свою сумку с вещами рядом с сумкой моей гостьи.

В кухне возле окна стояла моя спасительница и смотрела на пустынную улицу. Убедившись в том, что слежки нет, она развернулась ко мне:

– На ближайшие сутки мы здесь в безопасности, – будничным тоном сообщила она.

– Почему только на эти сутки? – с тревогой спросил я.

– Руководителям людей, которые пытались вытянуть из тебя информацию об открытии, уже известно, что исполнители провалились. По роду своей деятельности я хорошо знакома с принципами их работы. Когда погибают исполнители, не закончив свое задание, оперативная группа появляется для уничтожения убийц исполнителей сразу после их гибели, и берет на себя вторую функцию – они должны с этого момента завершить работу исполнителей. Тот человек, которого ты называешь Стромниловым, звонил куратору и передал основную информацию, необходимую для инициации оперативных мер. В их организации с нагромождением занавесов и тайн предписано, что оперативники не знают, чем занимаются исполнители до того момента, пока не станут нужны. Оперативники – их страховка, к которой, как свидетельствует история, они прибегают крайне редко.

Она начала рыться в ящиках кухонной стенки.

– Откуда тебе все это известно? На кого работали эти исполнители? – спросил я, не обращая внимания на ее действия, и потянулся к выключателю, чтобы включить свет.

– Нет! – строго сказала она. – Не включай свет! Мне подходит и полумрак.

– Да здесь такая лампа, что как раз будет полумрак.

– Все равно!

– Хорошо, – сказал я, пытаюсь придать своему голосу твердость, присущую доверию. – Ты босс.

Это несколько не смягчило ее взгляда, обращенного ко мне. Я решил сменить тему:

– А что ты ищешь?

Она глянула на кухонную стенку, потом снова на меня.

– Мне нужны ножницы или плоскогубцы, – сказала она, снимая свой плащ. – Есть что-нибудь из этого?

– Да, сейчас.

Я взял стул и вышел с ним в коридор. Забрался на стул возле входа в кухню и открыл дверцы антресоли. Внутри было пыльно и темно. Осторожно нащупал коробку с инструментами и отрыл среди разного хлама старый пинцет, который давным-давно использовал для того,

чтобы подпаять плату в магнитофоне. Я спустился и зашел в кухню, где возле стола, на котором поблескивал ее плащ, в голубоватом свете окна стояла девушка.

Теперь плащ не скрывал строгой черной блузки без рукавов и с рядом металлических пуговиц, тянущимся от плеча к узкой талии. В одном из ее открытых белых изящных плечиков неприятно темнела черная кровоточащая рана. Я промыл пинцет под водой из крана и вложил его в руку девушки, которую она протянула мне.

– Ты собираешься достать пулю? – уточнил я.

Она взглянула на меня, оторвав глаза от своего плеча.

– Да, – напряженно ответила она.

– Нужно продезинфицировать рану и инструмент.

– Что? – она с сомнением посмотрела на меня. – Мне это не нужно.

– Давай я достану пулю.

– Нет.

– Ты это будешь делать левой рукой. Тебе, наверное, будет неудобно. А у меня отец хирург. Возможно, хоть что-то да умею.

Брюнетка какое-то время молча смотрела на меня, потом протянула мне пинцет.

– Я постараюсь не больно, – сказал я, без особой уверенности принимая пинцет.

– Мне все равно. Просто достань эту чертову пулю.

– Хорошо, – я приободряюще улыбнулся, – нужно развернуться к свету.

Она прокрутилась на одном месте, переступив с ноги на ногу.

– И еще... – напряженно присмотревшись к ране, сказал я, – подойди поближе к окну.

Она сделала шаг. Я стал близко напротив нее, так, чтобы моя тень не падала на нее.

Чувствуя груз ответственности, нерешительно вздохнул и насторожено заглянул ей в глаза.

– Готова? – спросил, сам не готовый к тому, что собираюсь сделать.

Девушка коротко кивнула.

Левой рукой я взял ее за плечо, а правую, в которой был пинцет, поднес к ране, и только сейчас понял, какое нелегкое дело добровольно взял на себя. Разглядев получше взрытые приподнятые края кожи, обрамляющие окровавленные рваные ткани внутри раны, я понял, что зря вызвался помогать.

Спустя секунду я тихо спросил, чтобы занять не только ее мысли, но и свои:

– Как тебя зовут?

Она странно посмотрела на меня долгим неодобрительным взглядом, отчего я начинал понимать, что задал совсем неуместный, а потому и нелепый, вопрос.

– Пулю не забудь достать, – напомнила она.

– Ладно, – я мог бы и раньше догадаться, что на этот вопрос она уж точно не ответит.

Когда кончики пинцета почти оказались в ее чернеющей ране, она вдруг сказала:

– Я Катрина.

Чуть не вздрогнув, я поднял к ней удивленные глаза и слегка улыбнулся в ответ. Это было красивое занятое имя, подходившее киллеру. Ее жест доверия немного облегчил мне работу. После ее ответа мои натянутые как тугая пружина нервы немного расслабились.

Гнев Катрины ослаб, и теперь у меня появилась бледная искорка надежды. Сосредоточившись и низко склонившись к ее плечу, я медленно и осторожно погрузил пинцет в порванную пулей плоть, отчего у меня свело живот, а силы моментально покинули мои руки. Сразу же из раны сильнее засочилась кровь. Катрина закрыла глаза и схватилась левой рукой за столешницу стола. С ужасом я начинал понимать, что пуля сидит глубже, чем я себе представлял. А уж ухватить ее оказалось еще сложнее. Пуля все время выскользывала. Все отчетливее становились и сомнения: а пулю ли я пытаюсь ухватить? Я разжал пинцет и крепко захватил им

пулю, хотя не был точно уверен в том, что это пуля. Потянул к себе, но пинцет вдруг соскочил, и из раны хлынула кровь.

Катрина издала двугласный животный рык. Я со страхом посмотрел на нее. Она часто задыхалась, закинула голову. С сожалением понимая, что бросить уже ничего нельзя, я обреченно продолжил. Снова ухватил пинцетом пулю, сжал посильнее и, решив, что нужно ее не тянуть, а резко достать, дернул пинцет на себя. Пинцет вышел неровно, задев рану изнутри, и Катрина вновь издала пугающий рык, оттолкнула меня двумя руками к окну. Ребра сдавили легкие, а потом я налетел на бетонный подоконник. Больно ударившись о него спиной, обмякший, я сполз в темноту пола. Пинцет с окровавленной пулей выпали из руки. Девушка спешно отвернулась от меня.

– Прости, что так больно, – прокашлявшись, виновато и совершенно честно сказал я Катрине, зажимающей потревоженную рану рукой.

Я осторожно поднялся, чувствуя, как туго разгибаются позвонки и насторожено замер, глядя на безмолвно застывшую фигуру наемницы. Некоторое время я пытался понять, почему она больше не произносит ни звука, почему не шевелится, потом испугался, что случайно сделал что-то не так.

– Катрина?

Она не отозвалась, и ни один напряженный мускул ее тела не дрогнул. Подобно статуе горгульи она хранила пугающую бездвижность. Ее поза была страшна и причины происходящего повергли мою душу в трепет.

– Катрина? – сдавлено повторил я, неосознанно начав делать шаги в ее сторону.

Вдруг я задел сонную артерию? Она бы уже умерла. Вдруг она сейчас умирает? Или может она невероятно зла и лучше ее не беспокоить?

Моя рука несмело легла на ее здоровое плечо, девушка не повернулась, и я обошел Катрину вокруг, остановившись перед ее опущенным лицом.

Она открыла и подняла на меня глаза. Я задохнулся, подавившись вскриком, который застрял в горле, не успев вырваться наружу. Прежде чем смог все осознать или поверить, я мгновенно отскочил от нее назад, словно от острого лезвия.

Роговицы ее некогда синих глаз сейчас ужасали раскаленным желтым сиянием, обрамленным черными кольцами, а зрачки сжались в точки. Этот взгляд мерцал в темноте, опалил душу и резал сердце. Она сделала шаг в мою сторону.

– Не подходи! – выдавил я.

– Марк, успокойся! Я тебя не трону, – медленно и спокойно проговорила Катрина. Она остановилась, видя, что я продолжаю пятиться от нее. Ее глаза в следующее мгновение погасли и приобрели прежний, человеческий цвет. – Не трону, доколе не будешь вытаскивать из меня зверя, – предостерегла она.

– Кто ты такая? – требовательно повысил голос я.

– Тебе не нужно этого знать. Ты этого не поймешь и не захочешь верить. Если всё пройдет гладко, ты вернешься к прежней жизни, и больше не вспомнишь о сегодняшней ночи, – Катрина сделала еще один шаг в мою сторону. – Поэтому я не стану тратить слова, а ты должен просто успокоиться, – она подошла совсем близко, и теперь ее неоднозначный взгляд пленил мой взгляд, который я тщетно пытался отвести. Катрина почти прижалась ко мне, когда вдруг развернулась и шагнула к окну. Опустилась на колено и взяла с пола окровавленную пулю. Подняла ее на уровень глаз и внимательно рассмотрела, потом выпрямилась и вышвырнула пулю в раковину. – На твоём месте, я бы за *собственную* шкуру серьезно опасалась, а не задавалась вопросом, кто в чьей.

Пытаться осознать всё произошедшее было выше моих сил. Мое сознание все силилось строить догадки и искать объяснения, хотя ответы мне никто не собирался давать. На меня наваливалась опустошающее ощущение безысходности.

Катрина вышла из кухни. С ее уходом мне стало немного легче, и я наконец пошевелился и устало привалился к стене. Нужно избавиться от страха, преследовавшего меня еще с борьбы за собственную жизнь со Стромниловым, и взорвавшегося во мне минуту назад, последовательно перевернуть все, что сегодня произошло и попытаться справиться с этим.

Разумеется, первым способом моего разума стала попытка игнорировать некоторые не укладывающиеся в голове факты и найти компромисс.

– Почему бы не постараться объяснить этим людям, что я не знаю ни о каком числе? – громко спросил я, чтобы ей было слышно.

Какое-то время Катрина молчала.

– Для начала попробуй это объяснить мне, – послышался ее голос из спальни. – Где ты хранишь чистые полотенца?

– В шкафу в спальне, на правой верхней полке, – пробормотал себе под нос я, обдумывая последовательность дальнейших вопросов.

– Но здесь нет никакого шкафа.

Я с трудом вспомнил, что сейчас нахожусь в своей квартире, а не в Марининой.

– Ах да, в шкафчике в ванной.

Вымыв руку от крови, девушка вошла в кухню, вытирая мокрые после дождя волосы полотенцем. Мне бы тоже не мешало подсушить волосы и одеться в сухие вещи. Катрина села на стул, поставив его боком к столу и оперевшись спиной, положила ногу на ногу. Промокнула рану полотенцем, аккуратно свернула его и положила на стол рядом с собой. Она посмотрела на меня со странным, не предвещающим ничего хорошего холодным интересом в глазах. Долго молчала.

– Кто ты? – тихо спросил я, словно выдавливая слова. – Наемный убийца? Одержимая дьяволом? Наемница, одержимая дьяволом? Ты на каких-то препаратах? Или что?

Выражение ее лица оставалось прежним, бесстрастным, чуть высокомерным, она ничего не ответила и смотрела на меня, безмолвно задавая встречный вопрос: «А что ты сам об этом думаешь?» Но я понятия не имел, что думать. Мне просто хотелось, чтобы все это было лишь сном.

– С какой стати я должна верить, что ты не знаешь где *число начала*? – спросила Катрина.

– Почему ты не отвечаешь? Твой ответ будет так страшен?

– Ответь мне, и я отвечу тебе, – коварно проговорила она.

– Нет, – сказал я и твердо посмотрел в ее красивые внимательные глаза. Подобным взглядом я обманывал даже себя, ведь во мне не осталось сил на твердость. Картина смерти, представшая сегодня моему взору, отняла все силы и волю. Как и желтые глаза наемницы. – Я не знаю ни о каком числе, ни о каких формулах и открытиях. Никто и никогда мне ничего такого не рассказывал. Честно. Я клянусь.

Она подалась вперед. Свет от окна медленно затек на ее белое неподвижное лицо.

– Скажи это еще раз, – велела она.

– Мне никто не рассказывал ни о каких открытиях. Я не тот, кого вы все ищите. Здесь какая-то ошибка.

– Черт, – со злостью и досадой сказала она, потом саркастически добавила: – Не волнуйся, это я еще не ответила на твой вопрос.

– Ты человек?

– А ты знаешь, кто такие *люди*? – тихо спросила Катрина.

Вкрадчивый тон голоса, с каким она произнесла эти слова, производил сильное впечатление. Вопрос прозвучал как отрицательное утверждение. Она задала его, чтобы я понял, что о человеческой природе ей известно больше.

– Люди – это люди, – утвердительно сказал я.

– Если те, кого ты называешь людьми – грешат, убивают, предаются сладострастию, кощунствуют, совращают и стяжают подаяния искусителя, то я человек и подобна человеку, а люди подобны мне.

Раздался звонок моего мобильного. Я сунул руку во внутренний карман куртки и достал телефон. Звонил Тим. Я замешкал с ответом, не стал сразу отвечать на звонок. Держа руку с телефоном навесу, я перевел спрашивающий дозволения взгляд на Катрину.

Она поднялась и вопросительно посмотрела на меня.

– Это Тим, – сказал я, показывая пальцем на звонящий мобильник. – Мой друг, который должен был завезти вещи сюда, а потом вернуться в квартиру моей девушки.

– Ответь!

– Но ты же говорила...

– Ответь! – с нажимом повторила она, – разве не уразумел? Они уже вычислили тебя.

– Ты думаешь, это они звонят с телефона моего друга?

И тут я понял! В коридоре должен был стоять компьютер, но его там нет. Значит, по какой-то причине Тим сюда не приезжал и, возможно, он сейчас в безопасности. Но обнадеживающие мысли скрылись во мраке других: может быть, *они* перехватили Тима, думая, что в компьютере находится информация об этом открытии? Сегодня я уже ничего хорошего не ждал.

Телефон перестал звонить.

– В следующий раз снимешь трубку, – приказала она.

– А если они больше не позвонят?

– Они позвонят, – уверенно сказала Катрина, и следом звонок раздался вновь.

Я поторопился ответить.

– Марк! Привет! – услышал я радостный крик Тима вместе с шумом дождя, ветра и чего-то еще. – Ты где пропал? Я уже пятый раз тебе звоню, а ты не снимаешь. Я звонил в квартиру Марины, но там автоответчик. Звонил в твою, ты и там не отвечаешь, хотя как ты вообще мог попасть в свою квартиру, ключи-то у меня, – бодро посмеялся он.

– Поверь, Тим, есть способы, – заверил я его, взглянув на Катрину. – Так, где ты сейчас?

– На Ленинском мосту, жду эвакуатора и дпсников... Марк, – перебил он сам себя, – ты меня сегодня не жди, тут один козел влетел в меня, так что я попал в аварию...

Я с облегчением улыбнулся.

– Что он от тебя хочет? – негромко спросила Катрина. В ответ я сделал жесты рукой, что Тиму ничего от меня не нужно и с ним все в порядке.

– ...короче, я тут как мокрая курица, – продолжал кричать Тим, пытаясь заглушить своим голосом шум проезжающих машин, дождя и ветра. – Эвакуатор вызвал, но диспетчер попала несговорчивая, как та упрямая женщина из городского министерства культуры из статьи Романа Воронина. ДПС тоже пока не приехали. Я еще беспокоюсь за твой компьютер, как бы его не растащили по частям на стоянке, когда машину заберут. Ну, это как-нибудь уладим, ты не переживай. А ты сам-то где? Что трубку не снимаешь? Опять приходил этот тип, Сергей Геннадьевич?

– Нет, так получилось, что я не в квартире Марины, – я посмотрел на Катрину и встретил насторожившийся выразительный взгляд. Я понял, что она не хочет, чтобы я говорил ему, где я.

– А где же тогда?

Я замешкал с ответом.

– Это... это не важно, Тим, – не говоря ему о своем местонахождении, я ставил под угрозу собственную жизнь, ведь теперь я был не нужен Катрине, потому что ни о каком числе, которое искала она и те люди, что пытались меня убить, я не знаю. А самое главное, я не знаю, кто она, зато видел, на что способна. Я бы обезопасил себя, если бы сказал ему, хотя бы намекнул, о том, где я. Как мне хотелось сказать ему! Но, возможно, тогда она убьет меня сейчас же. Я

посмотрел на Катрину, она напряженно буравила меня взглядом. – Тим, это не важно! Главное, ни в коем случае не возвращайся в квартиру Марины! Понял?

– Почему? В чем дело?

– Тим!.. – я сделал паузу, пытаюсь сообразить, как же ему рассказать, чтобы он поверил мне и в то же время, чтобы не ставить под удар себя. Ведь Катрина следит за каждым моим словом, за каждым звуком, который я произношу. – Там опасно. Я потом все тебе расскажу, просто не езжай в ту квартиру, хорошо?

– Марк, в чем дело? Что случилось? Где ты?

– Не беспокойся, я в порядке. Остальное не важно. Дождись эвакуатора и отправляйся к жене. Завтра поговорим.

– Нет, подожди, у меня же твои ключи!

– Это ничего. Завтра мне передашь.

– А где ты переночуешь, если в квартире Марины опасно, а ключей от собственной квартиры у тебя нет?

– На этот счет можешь не волноваться.

– Не будешь же ты взламывать собственную квартиру, если можно встретиться со мной и взять у меня ключи, Марк, – посмеялся Тим.

И вот она! Лазейка! Мне нужно сказать всего лишь, «да», Катрина ничего не поймет.

– Да, – сказал я.

Такое чувство, будто я пустил пулю себе в лоб и ждал теперь, когда наступит смерть. Я напряженно наблюдал за Катриной, ожидая, что она догадается, о чем речь, но брюнетка по-прежнему сидела и смотрела на меня, не собираясь убивать. Она вопросительно подняла брови, беззвучно спрашивая, почему я так на нее смотрю. Я отвел взгляд.

– Что? Ты взломал дверь собственной квартиры? – осторожно переспросил Тим. – Ты снова торчал в том баре, Марк? Сколько выпил?

– Нет, я не был в баре.

– Я дождусь эвакуатора и сразу к тебе, понял? Никуда не уходи.

– Нет! – резко сказал я. – Тим, езжай домой! Завтра поговорим! Все!

– Марк...

– Езжай домой, Тим! – твердо повторил я. – Все, пока!

– Да, пока, – нехотя пробормотал Тим и отключился.

Я положил мобильный в карман. Катрина неотрывно высматривала в моем лице намек на обман, а когда наши взгляды встретились, мне пришлось уйти в коридор за стулом, который поставил туда, когда доставал пинцет, чтобы несколько секунд не видеть настойчивых синих глаз, за которыми, казалось, до сих пор тлеют угли, никогда прежде не горевшие ни в одних человеческих глазах. Вернулся, опустил стул перед столом напротив Катрины и сел. Голова устало опустилась на руки, сложенные на столе.

– Твой друг не понял, где ты? – холодно прозвучал требовательный голос.

– Нет, – соврал я, чувствуя, что хожу по лезвию ножа, – он не понял, где я.

Начинала возвращаться головная боль, в ушах назойливо застыл звон после стрельбы, в мыслях царил хаос, и над всем этим восседала та, кто хладнокровно и равнодушно решала мою судьбу.

– Что теперь? – глухо спросил я, подняв голову. – С моим другом вроде бы все в порядке. Я не знаю, о каком числе все время идет речь. Можешь ничего не рассказывать, если считаешь нужным, мне уже все равно. Ответь только, что теперь?

Взгляд девушки переменился.

– Теперь... Поскольку запереть тебя здесь не представляется возможным, мне придется взять тебя с собой, а ты пока подумай, кто может вывести нас на число начала. Сообразишь, может быть, останешься жив, а нет... ну тогда поглядим.

– Куда мы отправимся? – спросил я, понимая, что никогда не соображу, кто знает, где это роковое число.

Катрина поднялась над столом, подхватила рукой свой плащ и остро взглянула на меня сверху вниз.

– Ты же хотел узнать, кто я, – напомнила она, оперевшись больной рукой на стол и придвинувшись ко мне так, что ее губы почти коснулись моей щеки. Она прошептала мне на ухо: – Мы едем в ад.

Глава 8. Мизкреация²

– В каком смысле, в ад? – глухо спросил я, отодвинувшись от нее и заглянув в неподвижное серьезное лицо, в холодные синие глаза.

Она усмехнулась, оголив белоснежные зубы, и вышла из кухни.

– Переоденься во что-нибудь более нарядное, – бросила она уходя.

Я отчетливо ощущал опасность предстоящего путешествия. Что может являться адом для наемницы, которая хладнокровно разносит вдребезги человеческие головы? Что за место меня ожидает, если я уже чувствую себя словно в аду?

Подхватил с пола сумку и ушел в спальню, плотно закрыв за собой дверь. Бросил сумку на кровать, достал из нее вещи. Их оказалось не так уж и много: серые джинсы, футболки, белая рубашка, черная майка с длинным рукавом, бритва, старый, но в отличном состоянии фотоаппарат «Nikon» и две неиспользованные пленки по 36 кадров.

После того, что я увидел в кухне, мне хотелось использовать каждую, хотя бы самую незначительную, возможность оградиться от Катрины. Пока она застегивала на бедрах ремень с креплениями для оружия, зашел в ванную, чтобы вытереть мокрые волосы и закрыл дверь на щеколду. Моя гостья сказала, чтобы я оделся понаряднее, белая рубашка поверх черной майки сойдет. Снял мокрую холодную куртку и футболку, от сырости так и прилипавшую к телу. Умылся. Теплая вода из крана казалась горячей и колола ладони.

Глаза в зеркале отчаянно прятали страх, глядя из-под мокрых ресниц, но я знал, что страх все равно ворошился в глубине, позади расширенных черных зрачков.

– Соberись! – тихо сказал я своему отражению. Голос прозвучал ровно и довольно уверенно, но этого все равно не хватило, чтобы спокойствие проникло в мое сознание и изгнало оттуда ненужные эмоции.

Достал полотенце из шкафчика, набросил на голову, затем затолкал в стиральную машину мокрую футболку и полотенце.

Заколебался, открывая щеколду. Все инстинкты кричали мне оставаться здесь и не выходить из ванной. Здесь, в этой комнатке в полном одиночестве я нахожусь в безопасности, но страх и паника были не менее серьезными моими врагами, которых я должен избегать. Они затуманивают разум, а в то место, куда мы отправляемся, лучше ехать с чистым рассудком, потому что Катрина сказала, что мы едем в ад, и не важно является ли это место настоящим адом, главное, что она его так назвала. И чем раньше я столкнусь лицом к лицу с тем, что меня сегодня ждет, тем быстрее все закончится. И, надеюсь, завтрашний день будет похож на реальность, а не на кошмар.

Медленно открыл дверь и посмотрел в коридор. Ее не было видно.

Зашел в спальню и переоделся.

Когда вышел, наемница ждала меня возле входной двери. Она сняла с двери цепочку. Мы вышли в подъезд.

– А как мы закроем дверь? Ведь ты ее сломала и...

– У тебя в квартире есть что-нибудь ценное? – перебила меня Катрина.

– Нет, но...

Словно и ожидая этого ответа, ничего не сказав, Катрина начала стремительно спускаться по ступенькам вниз. Бросив тоскливый взгляд на коридор собственной квартиры, я притворил входную дверь, притянул ее на себя сильнее и последовал за Катриной. Я накинул на голову капюшон и вслед за быстро движущейся фигурой девушки вышел под дождь.

² Мизкреация – извращение создания

К полуночи ветер стал холоднее, черные лужи в палисаднике растекались все шире. Наемница коротко обернулась посмотреть, иду ли я за ней. Завела машину, и мы тронулись. Набрал скорость, Форд-Мустанг неожиданно резко затормозил, Катрина вывернула руль влево, и машина оказалась уже на встречной полосе.

Глаза Катрины перебегали с одного предмета за стеклом на другой, наверное, ее что-то беспокоило. Но я мог об этом лишь догадываться. Ее лицо оставалось бесстрастным, и своими мягкими застывшими чертами напоминало лицо восковой фигуры. Я отвернулся к боковому окну, Катрина заметила, что я засмотрелся на нее, и ей это явно не нравилось.

Форд-Мустанг направлялся в центр города. В салон постепенно начинали вливаться огни от неоновых вывесок на улице. Мы промчались на большой скорости мимо патрульной машины, возле которой под навесом торгового ларька стояли двое патрульных. Перекрестки проносились мимо, оставив патрульных далеко позади. Мы снова неслись по пустынным улицам. В такую погоду люди на тротуарах редко попадались на глаза. Но впереди в свете фар появлялся силуэт человека прямо на дороге. Человек в дождевике протягивал перед собой ладонь, жестом останавливая нас.

Катрина нажала на педаль тормоза. Форд-Мустанг послушно затормозил. Звук мотора в салоне стих, и теперь можно было услышать мерный шорох дворников. Человек в дождевике вышел из света фар и темной фигурой на фоне яркой вывески кинотеатра двигался к дверце водителя. Чуть впереди нашего автомобиля стояла еще одна припаркованная патрульная машина. В ее салоне загорелся слабый оранжевый огонек сигареты второго патрульного, который, очевидно, повернул голову в нашу сторону. Раздался стук в окно со стороны Катрины. Она опустила стекло, и в машину хлынул прохладный ноябрьский воздух.

– Мы очень торопимся, лейтенант, – недовольно и сухо сказала Катрина, жестко глядя на того.

Он наклонился к ней в открытое окно, осмотрел салон, задержал взгляд на мне, потом снова перевел глаза на Катрину, любуясь роскошной женской красотой.

– Я вижу, что торопитесь, – врасстяжечку проговорил он, лениво оторвав глаза от Катрины и вновь обведя салон глазами. Снова его взгляд остановился на мне и снова перескочил на Катрину. – Сообщили нам про вас с предыдущего поста... – на его лице появилась противная ухмылка. – Вы знаете, что ехали со скоростью свыше ста тридцати километров в час? Машина ваша? И что там такое в сумочке на заднем сиденье, а?

– Позови старшего! Быстро! – приказала Катрина.

– А зачем это вам? Права и техпаспорт имеются?

– Я сказала, – процедила Катрина, – позови старшего, твою мать, пока я тебе нос не отгрызла! ЖИВЕЙ!

Не знаю, какие перемены увидел в Катрине лейтенант, но его лицо исказили одна за другой гримасы недоумения, затем испуга и чувства унижения. Он поспешно кивнул и стремительно направился к своей машине. Подбежав, лейтенант распахнул дверцу патрульной машины и теперь, судорожно сотрясая руками, рассказывал что-то курящему в салоне человеку.

– У нас проблемы? – тихо уточнил я.

– Нет, – неотрывно наблюдая за полицейскими, отозвалась Катрина. – Все нормально. Вот только мы не располагаем временем разбираться с ними.

Из патрульной машины вышел высокий человек в дождевике, отшвырнул окурок и направился в нашу сторону. Он остановился возле дверцы водителя. Нагнулся в окно. Недовольный взгляд, наглые глаза придиричиво бегающие с Катрины на меня. От него пахло застарелым сигаретным дымом, напомнившим мне о Стромнилове. Он молчал. Катрина даже не смотрела на него, ее глаза были устремлены вперед, на дорогу.

– Старший лейтенант Дразников... – наконец сказал он, но наемница перебила его.

– Я не поняла, – грубо сказала она, – ты что за своими шавками не следишь?

– Так... – начал было тот, но наемница вдруг сжала его руку и притянула вздрогнувшего полицейского к себе. Он неожиданно обмяк, а его взгляд затуманился, словно потеряв рассудок.

– Твоя жизнь не стоит ни гроша, но ты мне послужишь сегодня, – четко проговорила Катрина, не теряя с ним визуального контакта. – Я велю останавливать нынешней ночью все BMW цвета серый металлик и удерживать их как можно долговременнее. Передай на все ваши посты!

– Да, конечно, – услужливо сообщил старший лейтенант.

Катрина отпустила его.

– Свободен, – пренебрежительно бросила она.

– Разрешите идти?

– Ступай.

Старший лейтенант побежал к своей машине и начал орать на подчиненного. Катрина нажала на педаль газа, и наша машина тронулась. Мы промчались мимо патрульных и резко свернули влево, на соседнюю безлюдную улицу, где было гораздо темнее.

– Что это было? – я указал большим пальцем через плечо, где за поворотом исчезла из виду патрульная машина.

Катрина ничего не ответила, вывернула руль вправо, и мы остановились у тротуара возле старого темного кирпичного здания, на стене которого над входом в подвал красным светилась неоновая вывеска с красноречивым названием клуба:

ВАЛАХИЯ

Катрина повернулась ко мне.

– Когда мы войдем туда, внутри не отставай от меня ни на шаг. Что бы ты там ни познал, не показывай удивления или страха. *Они* это и так почувствуют. Если с тобой заведут беседу, отвечай уверенно, кратко и уходи. Что бы ни случилось, не отставай от меня. У меня имеются там собственные заботы, потому отвечаешь за свою жизнь ты сам. И не позволяй им нюхать тебя. Ясно? Они запомнят твой запах и найдут, где бы ты ни был и сколько бы времени ни прошло. Запомнил, Марк? – она повысила голос, видя, что я перестаю серьезно воспринимать ее слова из-за того абсурда, о котором она говорила. Она зло прошипела: – Ты уяснил?

– Да, конечно, – поправился я. – Мне все понятно, Катрина.

Наемница некоторое время еще повелительно смотрела на меня, потом заглушила мотор, повернулась к дверце и открыла ее.

– Смотри, жизнь твоя, не моя. Мне на тебя плевать, – сказала она, выходя под окрашенные красным светом неона струи дождя, более похожие на потоки крови.

Я вышел под холодные красные капли. Катрина стремительно спустилась по ступенькам к приоткрытой двери в подвал. Толчком ладони открыла ее и зашла внутрь.

Мы оказались в недлинном узком коридоре с тусклой лампочкой под потолком, не дававшей практически никакого освещения, под ногами потрескивала старая пожелтевшая растрескавшаяся плитка, со стен регулярно обсыпалась штукатурка. Помещение заполнял низкий гул музыки из соседних помещений. Впереди, возле двухстворчатой двери с облущенной синей краской, стоял крупный охранник с лысой головой, широкой шеей, в черной майке, обтягивающей его мускулистый торс, голову он держал ровно и не опустил ее даже на нас. Наемница подошла к нему.

– Юрий у себя сегодня? – требовательно спросила Катрина.

– Сегодня у него важная встреча, – пророкотал охранник. – Он слишком занят, чтобы принимать гостей, – он посмотрел Катрине через плечо, на меня, – и остальных, – добавил он.

– Знаешь меня?

– Простите, госпожа, я всего третью неделю здесь работаю и не всех еще знаю.

– Это кое-что объясняет, – проговорила Катрина. – А что за гости у Юрия?

– Он не посвящает меня в свои дела, – покачал головой охранник. – Сказал только, придут трое людей.

– *Трое людей?* – заинтересованно повторила Катрина.

– Да, – он помолчал. – Сегодня у нас отличные напитки. Народу много, хорошая музыка. Отдохните. Если Юрий освободится, я распоряджусь, чтобы вас предупредили.

Он вежливо открыл двери в залитый густым красным светом зал, где под шумный микс на песню Мерилина Менсона танцевала и буйствовала плотная бурлящая толпа. Некоторые одетые в дорогие вещи сочных темных тонов. На стройных телах переливались атласные сорочки, блузки, обтягивающие топы, кожаные брюки, кто-то в костюме, кто-то в вечернем платье. Другие же одетые проще, выглядели не менее ярко. Представители всевозможных субкультур, сидевшие возле стойки бара, ритмично качались на табуретах под грохочущие звуки музыки, стучали гриндерсами и мартинсами в такт мелодии, разделяли на дозы, закидывались и делились наркотиками. В углу в кабинках копошились обнаженные пирсингованные тела, связанные между собой черными лентами и не жаждавшие уединения. Они душили и истязали друг друга и наслаждались этим. Один из них вдруг устремил свой настойчивый высокомерный взгляд на меня. Я шел дальше. Некоторые из танцующих, казалось, находились в состоянии эпилептического припадка, а движения других были настолько откровенными, что несомненно, они занимались сексом прямо в толпе. Впрочем, на них никто не обращал внимания. Я находился в подлинном underground-клубе-притоне, где все было можно и все, что было можно – было бесстыдно.

Я никогда не ходил в подобные заведения, даже будучи подростком.

Катрина переступила порог. Оказавшись в красном свете, она коротко обернулась на меня.

– Не отставай! – громко, перекрывая музыку, чтобы я мог слышать, сказала Катрина и направилась вглубь зала, в массу танцующих посетителей, окунаться в которую я не горел желанием.

Но у меня не было другого выбора. Я поспешил за ней. Многие оборачивались, выворачивали шеи, следя липким взглядом именно за мной. Тощий лысый парень, порывисто танцующий на столике в одних кожаных брюках для девушек, сидящих за этим столиком, даже послал мне воздушный поцелуй, на что я отреагировал неприличным жестом. Лысый залился смехом, скривив рот, жирно обведенный красной помадой. Я прибавил шагу, чтобы догнать Катрину.

Она уже свернула влево, направляясь в соседний зал, где пространство по-прежнему тонуло в красном мареве, и растянулся вдоль стены еще один бар. Здесь возвышались три круглых подиума, на которых в столбах бледного белого света танцевали стриптиз очень молодые девушки, покусывая себя за запястья, размазывая собственную кровь по обнаженному мраморно-белому телу и получая от этого, судя по их виду, большое удовольствие.

В третьем, удаленном зале, отгороженном от второго широким тоннелем с низким сводом, танцевальная музыка стихала. На небольшую сцену с микрофоном вышел молодой человек в вейфарерах, с черными короткими волосами, уложенными иголками. В черной футболке с погонями на плечах, открывающей руки, полностью покрытые татуировками актов однополюсного соития, в синих расшитых узорами джинсах, на бедре блестела двойная металлическая цепь, и весь его торс был обмотан цепями. Как только заиграла музыка (все члены его группы вступили очень живо), он истерически заорал в микрофон так, что нельзя было разобрать ни одного слова. Его вопли плавно перешли в глубокий звериный рык, напоминающий тот, который я слышал от Катрины, только громче, затем это было уже демоническое рычание

двумя голосами одновременно. Голоса современных рок-вокалистов не могли и сравниться с его мощным голосом. Вены и жилы на его шее вспухли, он продолжал кричать, рычать и буйствовать на сцене, ни на секунду не прерываясь, чтобы перевести дыхание. В толпе, собравшейся перед сценой, как полоумные кричали вслед за солистом, их била судорога, все прыгали, некоторые выли точно волки, другие истерично стонали и рыдали, еще одни стягивали с себя одежду, резали запястья и брызгали кровью на сцену. За столиком одна парочка положила себе на языки по лезвию для бритвы, и начали целоваться. За другим столиком девушка безудержно хохотала, глядя на своих двух подруг, которые по-очереди резали кинжалом свои тела и давали друг другу слизывать кровь и при этом тоже смеялись.

Все человеческое осталось за дверями этого заведения. Я почувствовал, как от этого всего к горлу подступает тошнота, хотелось уйти отсюда и не слышать жутких громких рычащих криков этого человека на сцене и толпы его фанатов. Все здесь было мерзким, давным-давно потерявшим человеческий облик.

Я оказался прав, не имеет значения, ад это или нет, здесь не лучше и не хуже. Я поспешил за Катриной, которой, судя по ее невозмутимому виду, здесь было совсем не противно находиться. Мы подошли к двери в конце третьего зала, возле которой стояли двое охранников в деловых костюмах поверх маек, спокойно вззирающих на оголтелую толпу. Один, тот, что с короткой стрижкой и густыми бачками, скосил глаза на Катрину, потом перевел взгляд на меня и, уставившись в противоположную стену зала над нашими с Катриной головами, произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.